

Илья Тё
Свобода для Господа Бога
Серия «Твердый Космос», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311622
Свобода для Господа Бога: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0385-9

Аннотация

Всемогущество. Всезнание. Вечность.

Три «В» космического абсолюта.

Акционер Корпорации, создающей вселенные на заказ, Гор искренне полагал, что обладает указанными качествами. Оказалось – не так. Перенесенный врагами в тело узкоплечего, слабого, а главное, смертного существа, он с удивлением осознает, что искренняя любовь и настоящая дружба с боевыми товарищами, спаянная мукой и кровью на полях сражений проклятой «сервской войны», способны творить чудеса, превосходящие все, на что способны даже Бог-Роботы, создававшие для него искусственные миры.

Став простым человеком в далеком заброшенном мире, всемогущий, всезнающий и бессмертный Бог Мщения познает истинные пределы своей свободы – свободы долга, преданности и любви.

© *FantLab.ru*

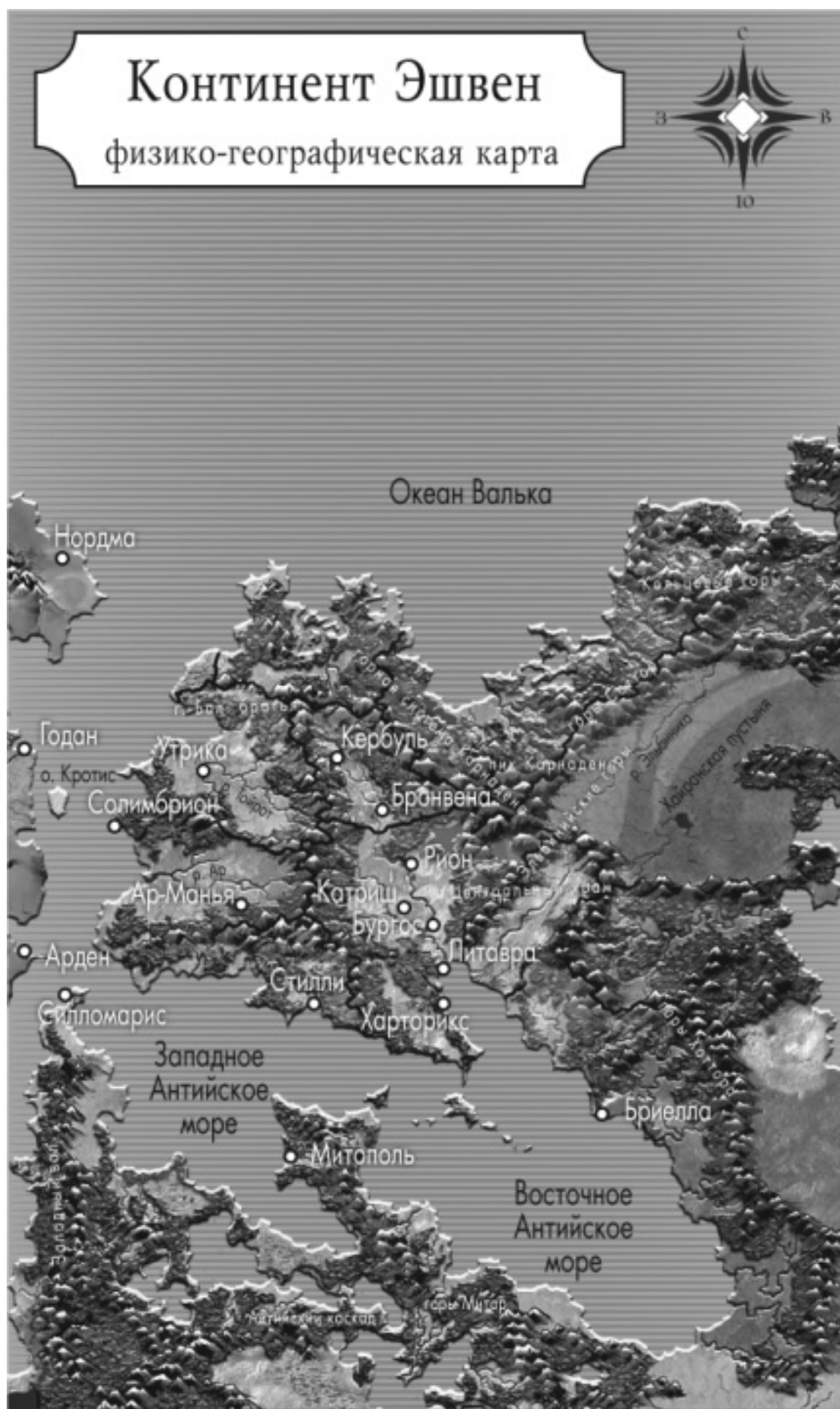
Содержание

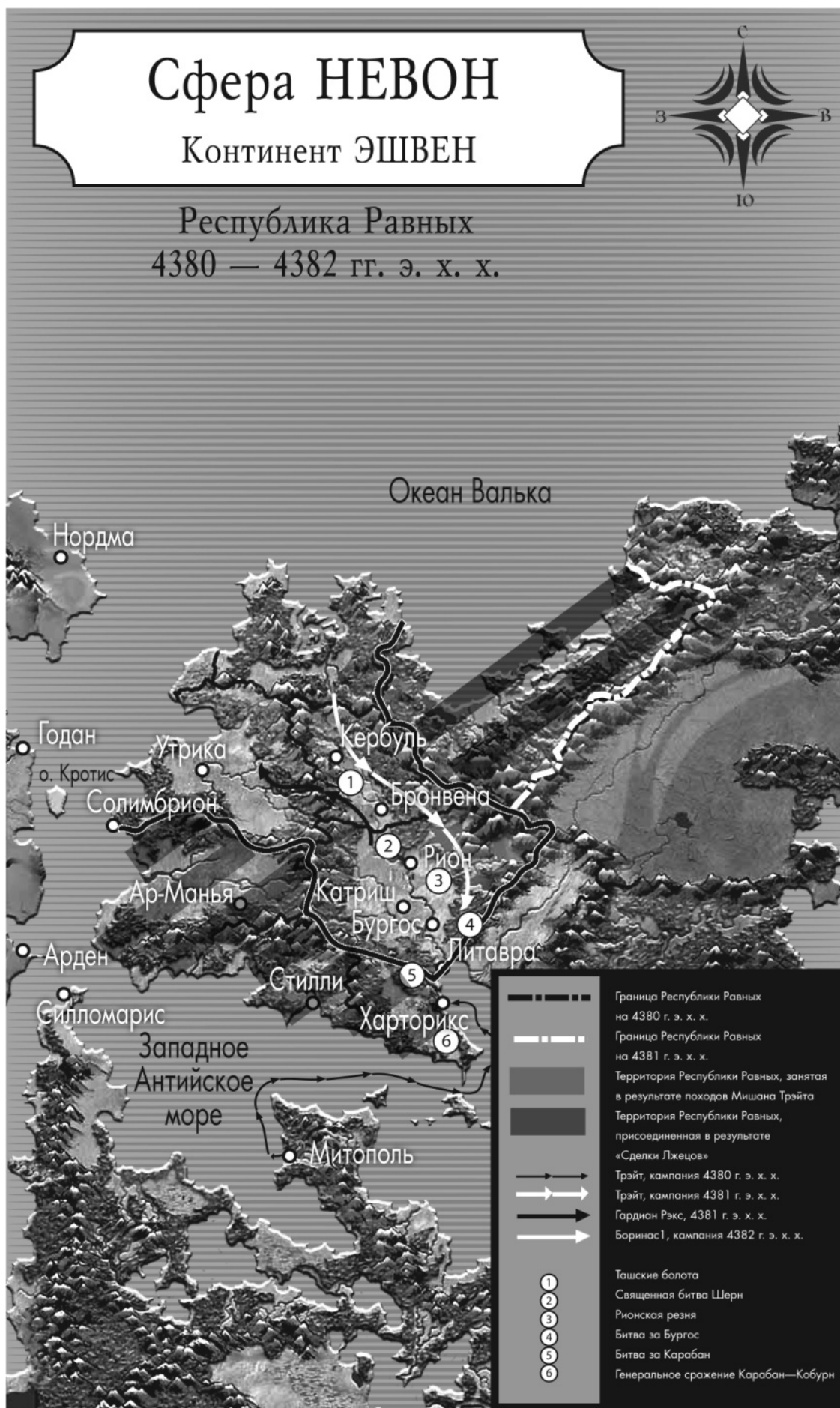
Часть первая	14
Пролог	14
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	56
Часть вторая	59
Глава 1	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

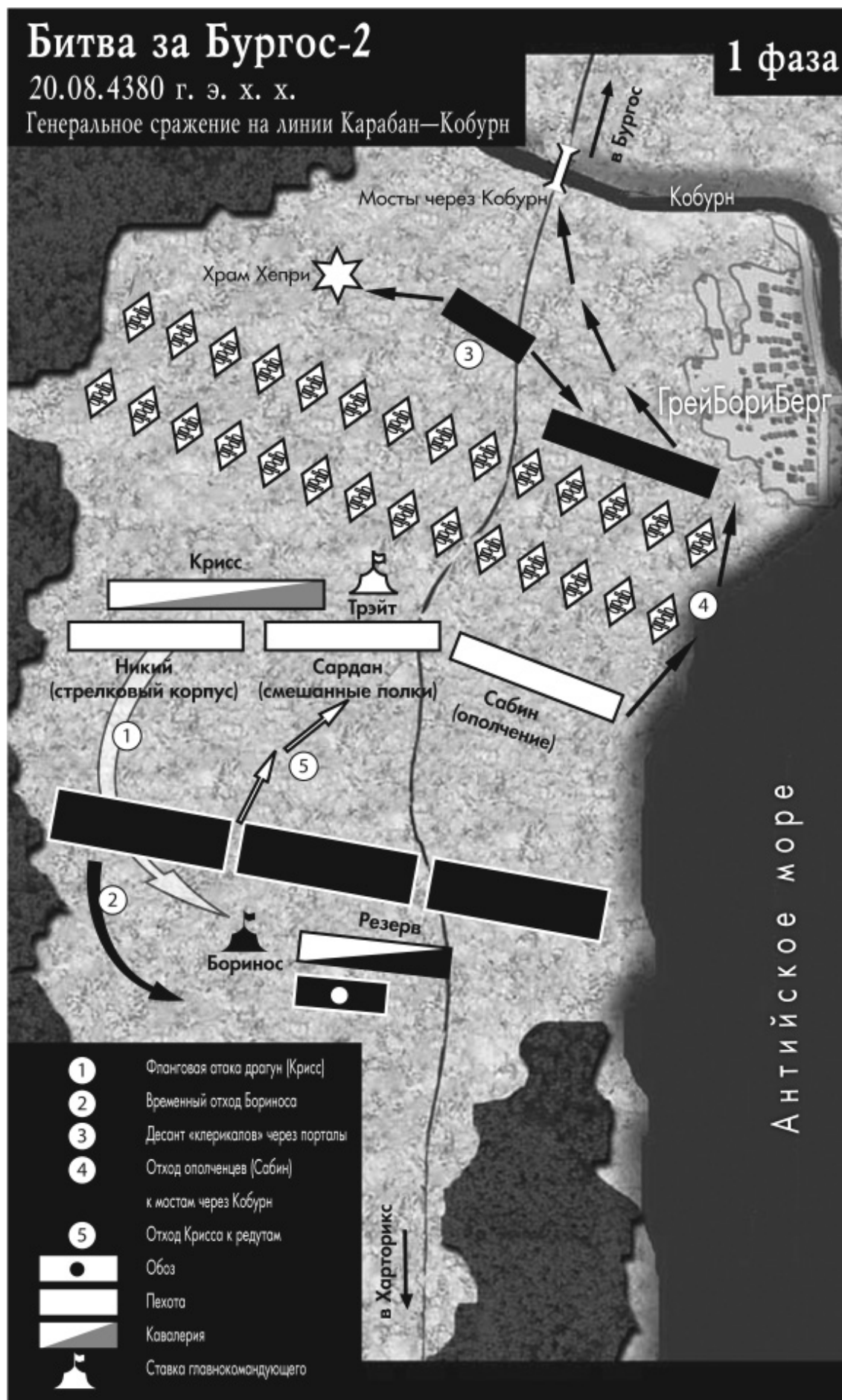
Илья Тё

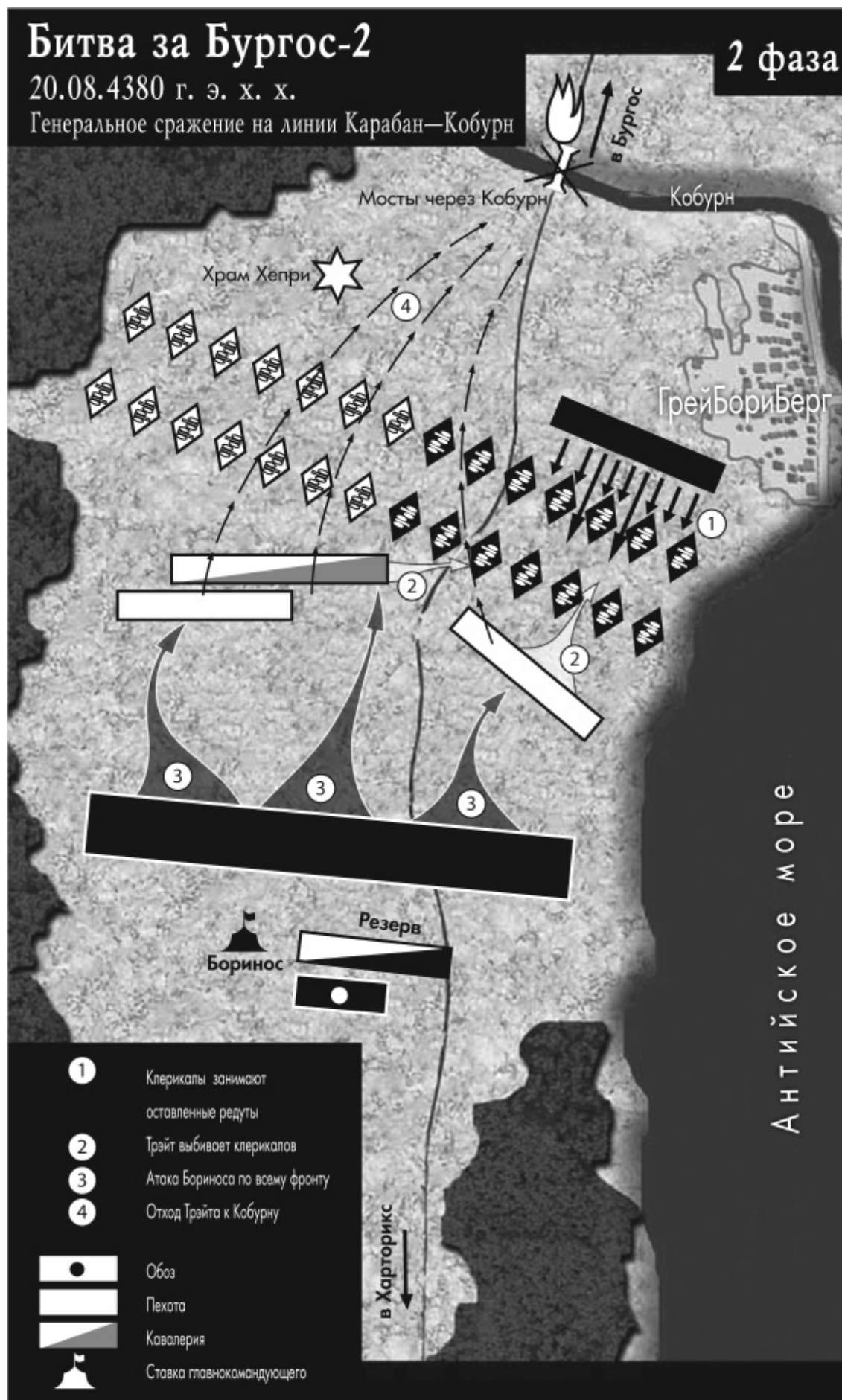
Свобода для Господа Бога

Часть первая Свобода или смерть

*...О, низойди в наш мир, природы дочь, Свобода!
Власть, вышнюю в стране, захватим навсегда.
Тебе возводят храм восставшие народы,
Поправ насилия года.
Свободные! Весь мир гордится вами,
Презрев обман богов – найдите к правде путь!
Свобода, поселись в гостеприимном храме,
Богиней будь!*

Слова из песни Великой французской революции

*...Революция как Сатурн – она пожирает собственных детей.
Робеспьер*

Пролог

*Коммуникационная система
храмов Хепри.
Вибрации в сети*

- Селена?
- Да.
- Это Юсуф... Кардинал Амир схвачен сервами.
- Ты бредишь!!
- Нисколько.
- На три секунды зависло тягостное молчание.
- На базе есть кто-нибудь? – спросил Юсуф.
- Никого... Его высокопреосвященство забрал всех подчистую. Есть два охранника-серва. Наложницы из публичного гарема. Уборщики. Сервы-поварята. Ах да, еще есть я... Но из спецназа никого.
- А не из спецназа?
- Только клерикальные мушкетеры, мой господин. В окрестностях Стеллополя расквартированы два полных гренадерских полка... Но разве они годятся для спецопераций?
- Если бы я знал!
- И что теперь?
- Молчание зависало в пространстве снова.
- Послушай, ты сможешь открыть мне проход в один из порталов Бургоса?
- Не вопрос. Но куда именно?
- А какие есть варианты?
- Всего три: Пашкот-палас, Башня Дракона и, разумеется, ближайший к городу храм.
- Пашкот-палас!
- Сделаем.

*Искусственное Мироздание.
Континуум Твердого Космоса.*

Клерикальная провинция Эльбиника.

Храмовый арсенал

Тридцать минут спустя викарий прошел в оружейную, закрыл за собой дверь и задумчиво осмотрелся. Его окружали полки и стеллажи. Оружейная база клерикального спецназа в Стеллополе поразила бы воображение самого требовательного посетителя – в четырех сотнях подземных ангаров бесконечной чередой были выставлены образцы разнообразнейшего оружия и спецсредств. Для получения рабочих экземпляров в каждом из этих огромных экспозиционных залов размещались стационарные нуль-синтезаторы, на которых по желанию можно было воспроизвести точную копию любого из представленных на полках орудий убийства в течение нескольких секунд.

Размышляя над выбором, секретарь кардинала Амира не спеша прошелся вдоль длинных рядов стендов и полок.

Вокруг лежали арбалеты, пружинные и пневматические ружья, самозарядное, автоматическое и, наконец, лучевое оружие – тысячи и тысячи видов. Плюс десятки разнообразных боеприпасов к каждому, амуниция, одежда и спецсредства. При желании, одними только образцами, без всяких нуль-синтезаторов, здесь можно было вооружить приличную армию, но, к сожалению, в епархиях Эшвена уже более тысячи лет действовал строжайший запрет на применение высокотехнологичных видов оружия кем-либо из «простых смертных». Единственными, кто мог бы даже просто взять в руки одну из этих вещей, оставались лично отобранные Господом Хепри бойцы кардинальского спецназа. Те самые, что валялись сейчас мертвыми на залитых солнцем и кровью лужайках в окрестностях Бургоса.

Выходило, что в пределах Твердого Космоса применить это оружие в бою, не нарушая тем самым запрета Хепри, мог, собственно, только сам викарий да оператор связи Селена, миловидная девушка, которая вряд ли держала в своей жизни что-либо смертоноснее кухонного ножа.

В итоге, в сложившейся ситуации, викарий мог располагать только самим собой с неограниченным запасом вооружения, а также двумя полками клерикальных мушкетеров. Последние вооружались примитивными кремневыми ружьями, никогда ранее не участвовали в стремительных силовых операциях, а потому годились разве что для несения охранной или пограничной службы. Между тем, по данным видеонаблюдения со спутника, вращающегося вокруг Медиас Кордис, под Бургосом находилось более трехсот тысяч солдат и офицеров Армии Свободы, и каждый из них – был уже почти ветераном. Так что мушкетерам церкви там мало что светило.

Викарий взял шлем-каска с опускающимся пуленепробиваемым стеклом, надел кевларовый жилет. Потом снял с полки снайперскую винтовку с оптическим прицелом, заткнул за пояс автоматический пистолет, достал коробку с патронами...

«Что же еще?» – подумал он. Взгляд случайно упал на одну из самых нижних полок, куда обычно никто не заглядывал.

Оружия там не было. На перфорированной поверхности алюминиевого стеллажа лежали маленькие гранаты незнакомого типа, окрашенные фиолетовыми и зелеными полосками.

Викарий поднял одну из малышек и повертел в руках. Потом резко откинул в сторону винтовку, стащил шлем-каска и прошел к аппарату-синтезатору. Там набрал код искомого изделия и, подождав примерно минуту, принялся набивать подсумок маленькими «лимончиками», появившимися в емкости аппарата.

На красном экране машины мигал код полученного изделия и его краткое описание: «Газовая граната РГХ-15. Рекомендуется использование химзащиты».

Глава 1

Столица в огнях и в кольцах

*Южный Артошский тракт,
окрестности Бургоса.*

Четырнадцатое Пафира 4380 года

Как и миллионы людей, рожденных в котле сложной технологической цивилизации, давно забывшей о рабстве в прямом смысле этого слова, Гордиан Рэкс прекрасно помнил древний девиз «Свобода или смерть!». Однако он солгал бы сам себе, если бы сказал, что хоть раз до своего ужасного пробуждения в мире планеты-каверны задумывался о подлинном смысле и страшном содержании этой крылатой фразы.

Оброненные в забытые времена кем-то из великих героев древности, а может, сразу несколькими из них – в разное время, в разных местах и при разных обстоятельствах, эти слова давно стали расхожими. Однако всегда ли произносящие их сознавали, что именно стоит за этим коротким кличем? Пожалуй что почти никогда, ведь противоречие подобных прописных истин можно прочувствовать только на собственной шкуре, а понять разумом – вряд ли.

Жить рабом или умереть свободным?

Умереть свободным или остаться рабом?

Сложный вопрос, ответить на который отдельно взятый человек может только сам себе и только в совершенно конкретной ситуации, когда выбора отвечать или нет у него не остается.

Кровавая рабская революция бушевала в Эшвене уже второй год, и новые десятки и даже сотни тысяч невольников давали свой ответ на этот вопрос, почти не задумываясь. Они умирали свободными!

Совет виликов бросал тела и души своих соратников в пылающую топку войны без жалости и без счета, не составляя списков погибших, часто не выкапывая даже общих могил и уж тем более не ставя памятников. У наступающих полков армии рабов-сервов при избытке решимости и оружия не было важнейшего из военных ресурсов – времени. А потому повсюду в Северном Эшвене украшением для братских кладбищ служили лишь изглоданные кости бойцов, их истлевшие мундиры и сытое воронье.

Короткая передышка, дарованная победой маршала Трэйта в «священной битве» под Шерном, а также огромные материальные ресурсы, захваченные в ходе весенней кампании на севере Артошской марки, позволили Совету виликов накопить силы и собрать огромную армию для вторжения в южные провинции континента. Сорок дней назад Трэйт вывел эту армию в поле из своего временного лагеря и двинулся по большому Артошскому тракту, в направлении Бургоса и Литавры...

Гордиан Рэкс усмехнулся печальным мыслям и посмотрел на уходящую в горизонт длинную линию собственных полевых батальонов: «Для большинства из них, – подумал он, – свобода или смерть очень скоро будут означать одно и то же».

Так был ли смысл подниматься им на эту войну?

Впрочем, лично для него смысл был, и это уравнивало все остальное. А насчет жертв... Второй прописной истиной, которую Гордиан знал с детства, было то, что войны и революции подобны кровавым богам – они требуют человеческих жертвоприношений, и прежде всего – от тех, кто является вершителем этих вселенских потрясений. Вне зависимости от того, насколько чисты причины и побуждения воюющих сторон, насколько светлы идеи и вера революционеров в непорочную чистоту справедливости, их путь всегда омыт кровью, и никак иначе...

Двадцать дней назад, вслед за маршалом Трэйтом, из разоренного сервами и войной Риона на юг континента выполз, тряся пузатыми боками повозок, знаменитый стрелковый корпус. «Корпус Апостола Гора», впрочем, следовал не один. Гордиана Рэкса сопровождал огромный обоз, буквально с тоннами необходимых для продолжения войны продуктов, со взятыми в Рионе орудиями, с порохом, с ядрами и еще с тысячью наименований разнообразных предметов, что сотворил человеческий гений или же человеческое безумие для насыщения страшных потребностей вечно голодного чудовища войны.

Боезапас и амуниция, медицинские бинты и лекарства, палатки и сапоги, котлы для варки пищи и фляги для воды и вина, пули и ядра, брандкугели и гранаты, мундиры и треуголки, пистолы, алебарды и пики, соль, красное вино и, конечно, грубая мука для маленьких солдатских хлебцев – все это присутствовало здесь в огромных количествах.

Вместе со стрелковым корпусом Апостола по пыльному тракту двигалось огромное количество присоединившихся по пути отрядов: драгуны бывшего габелара Крисса, набранные на севере артошские добровольцы, отставшие и оставленные в городках вдоль тракта маленькие трэйтовские гарнизоны, которых Гор без зазрения совести менял на собственных израненных или приболевших бойцов, а также свежие бронвенские батальоны, успевшие добраться к Риону, до того как огромный обоз двух полковников покинул разграбленный город. За корпусом также двигались неисчислимой грудой отряды мелких торговцев, чем-то непрерывно обменивающихся с солдатами, кучи местных бездельников, желающих поглазеть на легендарного Тринадцатого пророка, а также армия «свободных девиц», занимающихся на коротких ночных стоянках своей нехитрой и старой как мир торговлей.

В авангарде всей этой разномастной, шумной и весьма потрепанной в многочисленных мелких стычках толпы на гнедом жеребце ехал Гордиан Рэкс собственной полубожественной или полусолдатской персоной.

Господь и Создатель Тринадцатимирья, акционер Корпорации Нулевого Синтеза и великий *Тшеди*, а ныне обычный артиллерийский полковник и командующий небольшим рабским полевым корпусом, он грозно зыркал по сторонам и по возможности старался ускорить неспешное движение своего пестрого воинства. Однако сделать это на практике оказалось довольно сложно. Торговцы и проститутки, которых Гор пытался отгонять, все равно возвращались. Заниматься же показательным развешиванием торгашей и девок на придорожных столбах рабский полковник совершенно не собирался. Дисциплина в рядах его маленькой армии оставалась все же на приемлемом для такого малообученного сброда уровне, но дело, собственно, крылось вовсе не в дисциплине. Кровавые потери последней схватки с кардиналом и тот мистический ужас, который пришлось пережить его бойцам во время сражения под Рионом с почти миллионной ордой ремесленных сервов, выгнанных против профессиональных полков боевыми разрядами «хомутов», не могли не отразиться на психике и состоянии духа его несчастных солдат. И потому, хотя Гор неистово торопился, считая каждый километр и подгоняя своих ребят со всей яростью уже бывалого командира, применения крайних мер, вроде обычных для местных армий показательных казней или увечаших телесных наказаний, он старался не допускать.

Ровно два года назад мистер Гордиан Оливиан Рэкс, демиург и бизнесмен, владелец собственной звездной системы, биллионов кредо, а сейчас просто нищий, не имеющий ничего, кроме злой смертоносной шпаги, болтающейся на боку, после неудачного Хеб-седа, вопреки собственной божественной воле, оказался в тщедушном теле юнца в этом странном «вывернутом» мире.

Причиной провальной реинкарнации – сейчас Гор это отчетливо понимал – стали не технические неполадки или просчеты медиков, а жестокие политические интриги, участником которых он умудрился стать.

Два могущественнейших существа его старой родной вселенной, которых он с трудом мог называть людьми, архонт Нуль-Синтеза Питер Тициан Аякс и верховный стратиг Нуль-Синтеза Тэдди Октавиан, полубоги и полужрецы, встали у него на пути.

Согласно сведениям, сообщенным обоими высшими правителями в тот роковой и последний день его пребывания в Мироздании Корпорации, мистический Творец Вселенной, таинственный и внушающий ужас Учредитель, исчез из собственного Творенья.

В отсутствие верховного божества Корпорации угрожали хаос и стагнация. И вот, после крушения высшей власти, архонт и стратиг потребовали от демиурга Гора преданности. Причем каждый – себе. Им нужна была его божественная сила, уникальная способность контролировать вычислительные машины и, прежде всего, – машинерию Корпорации, соединенную в Сеть, связывающую многие миры. Машины давали бессмертным невероятную власть. Власть большую, чем та, которой обладали когда-то языческие божества древних, власть, способную творить само пространство и время с бесчисленными мирами внутри!

Гордиан горестно усмехнулся. Его божественный дар – сила *Тшеди*, талант экстрасенса, говорящего с машинами и сетями, стал для него проклятием. Эта сила вознесла его на вершины власти, сделав одним из акционеров Корпорации Нулевого Синтеза, демиургов и полубогов. И она же привела его к гибели, убив «божественное» тело и вышвырнув разум сюда, на задворки вселенной. Даже трижды проклятая сервская война, бушующая в приютившем его диком мире, стала следствием этого дара.

Оказавшись в Эшвене, в теле кухонного раба, Гордиан быстро понял, что в новом жестоком мире главным препятствием к свободе являются вовсе не стражники, не цепи, не стены и не опасность преследования. Решающей и единственной причиной, что вот уже тысячелетия держала сервов Эшвена в подчинении у хозяев, являлось простейшее техническое приспособление – койн, электронный ошейник, надетый на шею каждого раба, прошитый особой программой контроля и управляющий поведением носителя с помощью создаваемых в храмах Хепри болезненных или даже смертельных разрядов.

Первоначально Гор пытался сбивать настройку «хомутов» электричеством, однако вскоре, когда дар *Тшеди* возвратился к нему в полной мере, выяснилось, что он может раскрывать койны, сжигая их электронную начинку на расстоянии. В результате впервые за тысячелетия сервы Эшвена получили возможность огромными массами избавляться от узды, не пускавшей их к вожаемой свободе.

Гордиан покачал головой. Великий дар – это великое горе. В тот проклятый день он отказал им обоим – и архонту Аяксу и стратигу Октавиану, не приняв сделанные ему предложения.

Почему? Ответа на этот вопрос он и сам не знал до сих пор. Стратиг вызывал у него отвращение своим высокомерием, архонт – слащавостью и ложью, скрывающейся в глазах. От первого исходил зримый ужас, он явился с угрозами, демонстрируя свою силу. Второй пришел с лестью и уговорами, с добродушной улыбкой, скрывающей оскал льва. Как это ни смешно, но Гору больше импонировал второй. Впрочем, отказ есть отказ, и предательского удара в спину, результатом которого стало пробуждение в теле полудохлого выроodka в захлабленном мире, можно было ждать от любого из этой пары, а возможно – сразу от обоих.

Слова, которые срывались тогда с его искривленных в презрении губ, были полны сомнений и наивной отваги, странной для трехсотлетнего человека. И кусочком сознания, что бы ни говорил сам себе Гордиан, он понимал, почему отказал тогда и стратигу, и архонту.

Причина была проста – она вела его сквозь пылающий Эшвен все эти два долгих года: Гор был свободен! Свободен как Бог, свободен как Человек. И никто, даже величайшие из бессмертных, не могли подчинить себе его волю.

Бывший демиург снова мрачно и зло усмехнулся. Криво, одним углом рта. Воля Творца Тринадцатимирья осталась тогда не подвластна его врагам. Однако жизнь его и могущество оказались вполне в их власти.

Он умер в тот день или – стал кем-то другим. Технология переноса матрицы экс-божества в тело хилого юноши во вселенной, про которую не знали в Нуль-Корпорации, до сих пор оставалась ему не ясна. Но причины происшедшего были вполне прозрачными – это возмездие за послушание.

Возмездие – вот только от кого?..

* * *

Как бы там ни было, вопрос о возмездии, ставшем причиной провального Хеб-седа, волновал павшего демиурга в данный конкретный момент существования весьма незначительно.

Спустя девять суток после схватки с кардиналом Амиром, а именно душным утром четырнадцатого Пафира, Гор и Крисс оказались на вершине холма, с которого открывался вид на живописную долину реки Кобурн и город Бургос с окрестностями.

Бой, в результате которого стрелковому корпусу удалось полностью истребить Красную гвардию кардинала и чудовищных великанов личной сотни кардинальского Священного легиона, запомнился Гору надолго, ведь уцелел он тогда почти случайно – исключительно благодаря героической стойкости своих храбрых артиллеристов. Однако даже по сравнению с собственным чудесным спасением, как гораздо большую удачу Гор оценивал иной факт – пленение самого кардинала Амира!

Теперь, имея на руках высшего церковного иерарха вселенской Апостольской церкви, главу Бургосской курии и соответственно всей местной храмовой структуры, Гор рассчитывал изрядно поторговаться с его подчиненными. За свободу сервов и некоторые личные, необходимые ему дивиденды.

Впрочем, как наглядно демонстрировал раскрывшийся перед Гором и Криссом вид, до торговли с храмами было еще далеко. Прежде чем войти в Пашкот-палас – резиденцию кардинала, разместившуюся по злой иронии в самом центре города Бургоса, двум полковникам армии рабов предстояло овладеть одним тщательно оберегаемым призом – самой королевской столицей.

«Задача, – подумал Гор, – отнюдь не из легких». Глядя на одинокие столбы дыма, тянущиеся к небу по всей обширной равнине, а также на вражеские полчища, мнущие траву под утренними лучами Медиас Кордис, Гордиан многозначительно крикнул и привычно потер мозолистой ладонью рукоять офицерской шпаги.

Мысленно экс-господь прикинул, что в мирное время в долине вокруг многоголосой столицы располагалась весьма густонаселенная местность с богатыми селами и веселыми жителями. Нехитрый этот вывод проистекал из того, что дымы поднимались со всех концов открывшегося взору пейзажа: то горели усадьбы и коттеджные поселки состоятельных горожан, деревни сервов-арендаторов и фермы.

По докладам пленных и перебежчиков, обозный корпус восставших здесь ожидал карракошский субпрефект Оттон, прославленный генерал и один из величайших эшвенских полководцев, гонявший хайранцев еще до того, как большинство ныне живущих сервов вылезли из клонических колб безусыми сосунками. Королевская армия, таким образом, неожиданно сменила командующего, но о печальной судьбе генерала Бавена Гор с Криссом предпочитали не спрашивать – во-первых, о ней и так уже все догадывались, а во-вторых, слишком жуткой и несправедливой она казалась по отношению к храброму, убеленному сединами вояке.

На первый взгляд, Оттон показался Гордиану грамотным воеводой: ведь долина пылала не случайно. Осадившие Бургос войска короля жгли окружающие деревни, чтобы лишить спешащих к городу Крисса и Гора материала для строительства контрвалационной линии, что, конечно, весьма удручало Тринадцатого пророка. Но еще больше это обстоятельство наверняка удручало многочисленных местных жителей, покинувших местность несколько дней назад и укрывшихся в лесах, дабы избежать ужасов войны.

Вообще, ситуация вырисовывалась забавная. Насколько Гору было известно из отрывочных сведений, поступавших к нему от перебежчиков и вестовых, Трэйт умудрился взять укрепленную крепость с ходу, забросив внутрь городских стен лавзейский десант Бранда. Под покровом ночи головорезы захватили главный городской арсенал, Замок Дракона и устроили в Бургосе пожар, пожравший почти половину внешней стены.

Всем городом, впрочем, маршал сервов овладеть не успел. Центральная цитадель Бургоса – знаменитый Старый Город, где размещались резиденции короля и кардинала, – осталась в руках королевского гарнизона. Трэйт не стал штурмовать высокие стены и просто обложил их сплошным кольцом осады, укрепившись в пределах оставшихся в его распоряжении городских кварталов. От Старого Города до Кольцевой Стены.

Однако спустя всего пару дней после взятия Бургоса сервами к несчастной столице с юга подошел неизвестно откуда взявшийся полуполегендарный генерал Оттон со свежими подкреплениями. Он, в свою очередь, зажал плотным кольцом теперь уже самого Трэйта, окружив внешние стены города контрвалационной линией из подручных материалов.

Сейчас, с приходом корпусов Гора и Крисса, ситуация снова менялась, поскольку у двух последних не имелось значительного перевеса в численности. И вследствие этого, не оставалось ничего иного, как опять-таки закрыть Бургос очередным сплошным кольцом окружения.

В итоге получился слоеный пирог.

Сначала Цитадель Дракона с Брандом и Сарданом Сато внутри. Затем Старый Город с королевским гарнизоном Бургоса. Затем кольцо осады, образованное сервами Трэйта, укрывшегося за внешней Кольцевой Стеной. Потом войска Оттона, закрывшие сплошным окружением теперь уже самого маршала рабов. И, наконец, великие и ужасные Крисс и Гор, отрезавшие Оттона от внешнего мира четвертой осадной линией.

Вокруг города было четыре осадных кольца!

Со стороны ситуация могла показаться весьма забавной, если бы не обещала в будущем реки крови для каждой из осаждающих город армий.

Гордиан пожал плечами и погладил своего скакуна по шее. Несчастный антиец, как будто разделяя переживания своего наездника, ерзал и дрожал. Успокоив таким образом животное, Гор кивнул Криссу – и они спустились к войскам.

Ощетинившись мушкетами, в плотном строю отряды повстанцев окружили войско Оттона по всему периметру. Как и Бавен, новый предводитель королевской армии оказался бывалым военачальником и узнал о подходе противника задолго до его появления на горизонте. Конные разъезды, раскиданные по всему центральному Артошу, доложили о приближения сервов за три дня до их реального появления.

И генерал подготовился. За эти три дня было разобрано большинство домов вокруг города, а то, что осталось не разобрано, сейчас горело, пуская белесые столбы дыма к небесам под лучами Медиас Кордис. Из собранных досок делали грубо сколоченные щиты для укрепления земляных валов, а сами валы выкладывали в основании булыжником и щедро отсыпали землей и песком.

Примечательно, что Оттону Великому (а именно так именовали прославленного генерала старинные книги, описывающие военные кампании Хепри, что гремели над местными континентами столетия назад) вообще пришлось отсыпать вокруг Бургоса целых два вала.

Первая линия окружала собственно стены города, чтобы предотвратить возможные вылазки со стороны осажденного маршала Трэйта. Вторая же была возведена непосредственно вокруг позиций Оттона для защиты от приближающихся армии Крисса и корпуса Гора Фехтовальщика.

В общем и целом, королевские солдаты ударно поработали киркой и лопатой, и сейчас перед бывшим старшиной лавзейских габеларов маршалом Трэйтом и бывшим демиургом Нулевого Синтеза Гордианом стояла нешуточная задача – свести их труды на «нет» и выйти из сложившейся ситуации с минимальными потерями.

Спустя несколько часов четвертая линия окружения была завершена...

Гор и Крисс не имели возможности соорудить сплошную цепь укреплений, а потому поступили просто: элементарным образом расположили свои войска в двух больших лагерьях, защищенных земляным валом и рвом.

Первый лагерь под руководством Гордиана встал с северо-запада от Бургоса, перекрывая направление на Рион, Бронвену и ответвлявшийся в этом месте западный тракт на Катриш.

Второй лагерь соответственно встал южнее города, закрывая направление к морю, Литавре, ГрейтБориБергу, Харториксу и прикрывая от подхода возможных королевских подкреплений. Здесь расположился Крисс.

Восточный же край всех четырех колец упирался в Кобурн. А потому, по мнению Гордиана, не нуждался в специальном прикрытии со стороны их армии, ибо у них все равно не имелось кораблей. С запада два последних кольца проходили через городской Дуэльный парк, протянув свои валы и окопы между разбросанными по парку вековыми деревьями.

Кольцо окружения получилось, таким образом, весьма неплотным, и мимо разъездов и караулов Армии Свободы, как и подозревал Гордиан, достаточно свободно по ночам метались подручные осажденных. Это, впрочем, не сильно огорчало павшего демиурга, поскольку разрешить сложившуюся ситуацию с помощью долгой осады было невозможно в принципе. Ведь ставка всех четырех армий, участвующих в противостоянии, делалась не на измор противника, а на скорую и неминуемую схватку.

Бранд. Оттон. Трэйт. Гор.

Схватку кровавую, как закат перед ураганом...

* * *

Спустя еще сутки, когда работы по укреплению лагеря и размещению в нем бойцов и подразделений были окончательно завершены, Гордиан Рэкс впервые за несколько часов остался в своей палатке один. Он развернул мятую карту Бургоса и его окрестностей, каким-то чудом добытую офицерами его корпуса в обезлюдевшем после бойни Рионе.

Карта содержала множество пометок, нанесенных не далее как сегодня утром, а кое-где даже буквально только что. Пометки указывали нумерацию и предполагаемую численность королевских полков, окруженных в городе, а также их положение на оборонительных рубежах. В узком пространстве, образованном двумя кольцевыми укреплениями Оттона, собралось по приблизительным подсчетам почти сто сорок тысяч человек, преимущественно пехоты, набранной из свободных жителей центральных и южных провинций. Как и у сервов, их обучение оставляло желать много лучшего, к тому же находились они в армии без году неделя и реального боевого опыта не имели. Солдаты Крисса и Гора в этом плане – впервые за всю военную кампанию – даже превосходили своих противников.

Внезапно полог палатки раздвинулся и внутрь вошел Крисс. Не здороваясь со старым товарищем, с которым они во время похода и так практически не расставались, он снял драгунскую шляпу и взгромоздился на стул.

– Что-то задумал? – спросил он, глядя на корпящего над картой Фехтовальщика.

Бывший демиург только задумчиво покачал головой:

– М-мм... Не знаю, дружище. Как-то все хреново выглядит. Мешанина. Четыре кольца окружения – ума не приложу, что делать. Тут наши, там их. Тут мы, здесь они. Чер-те что! При такой диспозиции проще застрелиться, а не воевать. Но главное, я полагаю, что их ситуация выглядит все же несколько лучше, чем у нас. Мы, видишь ли, ограничены в ресурсах. Если разграбим местные запасы, то придется голодать, да и стрелять нам будет нечем, на сто тысяч мушкетов у нас не так много пороха и картечи. А у Его светлости герцога Оттона материальный фонд, как ты знаешь, безграничный и имеется свободное снабжение по Кобурну кораблями речной флотилии. Да и сам Боринос, того и гляди, припрется сюда с подкреплением. Тогда будет пятое кольцо, представляешь? Так что по всему выходит, что инициативу в распутывании этого узла придется проявлять нам, а не Оттону.

– А инициатива обычно наказуема! – воскликнул Крисс с непонятным его товарищу задором.

– Вот именно!

– И что? – поинтересовался бывший габелар. – Опять будешь пить?

– Зачем? – не понял Гордиан.

Крисс рассмеялся.

– Ну, алкоголь, как показывает наша практика под Рионом, стимулирует у тебя умственную деятельность. И вообще – положительно влияет.

Гор отмахнулся.

– Иди ты к черту, нашел что вспомнить, я же серьезно! Вот подумай, инициатива к общему штурму и сражению в любом случае принадлежит нам. Давай посчитаем. Первое: Бранд, запертый солдатами казненного Бавена в Цитадели Дракона, не может атаковать при любом раскладе – у него слишком мало людей, чтобы самостоятельно действовать против королевского гарнизона в Старом городе. Максимум его возможностей – поддержать штурм Старого города со стороны Трэйта.

Второе: королевский гарнизон в Старом городе также не способен атаковать Бранда, поскольку, как только он приступит к штурму, Трэйту достаточно будет сделать вид, что он готовится к нападению на Старый город, и гарнизон будет вынужден прекратить свою попытку, дабы не получить удар в спину.

Третье: Трэйт находится в аналогичной ситуации – он не может атаковать Старый город, пока ему в спину смотрят орудия и штыки Оттона. И четвертое: Оттон, хотя и он в целом гораздо более свободен в принятии решений вследствие численности своих войск, также не может нападать – ведь если он дернется на Трэйта, в спину ему тут же ударим мы. Вот и выходит, что сигналом к общей потасовке будет только наша атака.

– Значит, – заключил Крисс, – вся ситуация состоит в координации действий. Мы должны пойти на штурм одновременно с Трэйтом и Брандом. Ты это имеешь в виду?

– Не только. – Гор покачал головой. – Координация – это лишь половина дела. Даже если мы ударим одновременно тогда, когда враги не ждут, исход сражения практически не предсказуем, поскольку силы всех трех наших отрядов – я имею в виду нас с тобой, Трэйта, а также Бранда с Сарданом – равны по численности силам Оттона и бавеновского гарнизона в Старом городе. Даже атакуя скоординированно, мы спровоцируем лишь хаотическую драку на тесных улицах, где ни одна из сторон не имеет решительного перевеса. Ввязаться можно, но вот каков будет результат, я сказать не берусь.

– Печальная картина, – скривился Крисс, – похоже, ничего не остается, кроме как стоять и ждать, пока придет Боринос с подкреплением. Или пока наши из Бронвены кого-нибудь в помощь не пришлют. Точно?

– Нет.

– Нет?!

Гордиан пожал плечами.

– Знаешь, я и сам не вполне представляю, как это будет, но мне кажется, что шанс есть вот здесь. – Он ткнул пальцем в карту.

– Городской парк?

– Это Дуэльный парк, мастер Крисс. Его так и называют – Дуэльный парк! Символическое название, учитывая, что в деле участвуют консидории, ты не находишь?..

Глава 2

Парк для дуэлей. В очередь!

Бурная ночь шестнадцатого Пафира – время битвы за Бургос – началась не ровно в полночь, как это предписывается календарем и часами, а где-то около восьми вечера.

Гордиан Рэкс бродил по палатке, додумывая детали, затем вышел к ожидавшим его офицерам. Ждали его всего четыре человека: начальник инженерной службы Роббер, новый полковник ормских мушкетеров Биллон, заменивший героически павшего Самсона, начальник драгунской кавалерии Крисс и, конечно же, Никий, начальник штаба и адъютант.

Остальные офицеры по соображениям определенной конспирации приглашены не были.

– Господа, – начал Гор негромко, – сегодня мы попытаемся выманить противника из его берлоги и навязать сражение. Вот здесь!

Он снова ткнул пальцем в изображение парка на карте и продолжил, делая между длинными предложениями продолжительные паузы, чтобы дать слушателям время усвоить сказанное.

– Роббер. Через тракт, отойдя на север, чтобы не вызывать подозрения, вы делаете крюк и вот тут, примерно в районе Тоху, минируете низкую стену парка. – Гор подождал, фиксируя предложение, а затем продолжил: – Биллон. Примерно через час после Роббера вы выходите в полном составе своего пехотного полка и следуете тем же путем. Мне известно, что через парк каждую ночь, пользуясь темнотой и отсутствием охраны периметра, следуют группы вестовых и конные разъезды разведчиков, которые обеспечивают коммуникации между Оттоном и остатками королевских гарнизонов в поместьях западнее города. Мы специально не тревожили эти вражеские силы и специально не контролировали территорию парка ночью. Во-первых, это действительно трудно – держать под надзором крупный лесной массив, а во-вторых... во-вторых, мы приучили врага не бояться! Нам известно, что остатки гарнизонов из поместий тайно просачиваются в город небольшими группами каждую ночь. Инциденты имели место уже восемь раз за последнюю неделю. Разведка докладывает, что сегодня попытка проникновения повторится – почти две сотни конных габеларов пробираются к нам с запада. Мы ждали, пока враг осмелеет и войдет в парк более или менее крупной группой. Сегодня это наконец должно случиться. Двести человек – это самый крупный отряд из всех, что когда-либо пытался просочиться сквозь нашу осадную линию. Враг обнаглел, и значит – время пришло!

Гор взмахнул рукой.

– Крисс! – воскликнул он. – Спустя три часа после Биллона ты выводешь конных драгун тем же путем в обход через Тоху. Примерно в это же время двести нарушителей периметра должны достигнуть Тоху с другой стороны парковой стены. Как только наблюдатели докладывают об их прибытии, вы, Робер, взрываете минные заряды в стене, образуя в ней проломы, достаточные для одновременного и внезапного введения в бой одной роты ормской пехоты. Разом!.. Это понятно?

Роббер и Крисс одновременно кивнули.

– Хорошо! Далее, как нетрудно догадаться, Биллон атакует нарушителей силами этой самой одной роты. Остальные ждут. Крисс, твои бойцы спешиваются, отгоняют коней подальше и тоже ждут. В бой, если что, вступите на своих двоих, как пешие мушкетеры. Кавалерии, как вы сами понимаете, в парке не место. Примерно в это же время, сразу после начала перестрелки, Никий поднимает остальную армию по частям и поэтапно отправляет полки тем же путем к месту сражения. Это все!

В воздухе повисло напряженное молчание. Прервал его конечно же Крисс.

– Не понял, – сказал он, – столько сложных передвижений, обходные маневры, суета. А зачем? Ты хочешь пострелять габеларов, нарушающих периметр? Давай просто посадим в парке вместо роты один батальон среди деревьев, а когда враг подойдет – просто расстреляем картечью. Кстати, это давно следовало сделать, а то шляются туда-сюда прямо перед носом – бойцы недовольны, враг обнаглел, моральный дух страдает.

Гордиан покачал головой.

– Я вижу, ты меня совсем не понял, – сказал он. – Мы не будем ввязываться в бой крупными силами, Крисс. Только рота. Это основа плана. Я надеюсь, что старший офицер королевской армии, который в это время будет охранять позиции Оттона в районе парка, увидев, сколь незначительны наши силы, станет думать так же, как ты. И не будет ждать, пока наша рота справится с его ротой или, наоборот, – его рота с нашей. А просто введет в бой дополнительный контингент. Ты понимаешь меня?..

Крисс помотал головой, и Гор, вздохнув, пояснил:

– На самом деле все просто. Как только со стороны Оттона, неважно, по его личному приказу или по приказу дежурного штабного офицера, в бой в парке будут введены дополнительные силы, мы тут же введем свои. Враг будет знать – для того чтобы перебросить в парк помощь, нам потребуется не меньше часа, – и будет вводить туда войска в надежде обеспечить себе численное преимущество! Но там уже будем мы. Мы уже там будем!

Он покачал головой, развернулся и уперся глазами в карту, как будто видел за слоем покрытой краской бумаги настоящие парк, лес, земляные насыпи и суетящиеся между ними полки и батальоны в цветных мундирах.

– Сначала рота, – воскликнул Гор, – затем батальон, потом полк! Потом – дивизия! И, в конце концов, вся армия – Оттона и наша. Но при этом всегда у нас будет преимущество в численности. Войска будут вступать в бой поэшелонно и немного отдохнувшими после перехода, а не прямо с марша, как у него. К тому же я уверен, что для нас бой будет носить оборонительный характер. По крайней мере, на первом этапе. Кроме того, когда в сражении завязнет значительный контингент, мы начнем обстрел парка через боковую стену силами артиллерии, которую так же заранее, где-то часа через два после начала схватки, доставим на место. Оттон просто не сможет так же быстро через лес подтащить туда пушки! Это гарантированный перевес! Ситуация начнет развиваться по нарастающей, и я надеюсь, наступит момент, когда Оттон уже не сможет отступить. – Гор шумно выдохнул и посмотрел на товарищей-офицеров: – Таким образом, мы дадим Оттону неожиданное генеральное сражение с численным преимуществом на каждом этапе боя. С поэшелонным вводом свежих сил на незнакомой ему пересеченной местности и без участия его артиллерии и рейтар! Что скажете, ну?!

Крисс задумался.

– В принципе, план дельный, – произнес он после весьма продолжительного молчания, – вот только что будет, если в момент, пока наши войска будут на поэтапном переходе к Тохо, Оттон атакует наш лагерь?

Гордиан кивнул, принимая вопрос.

– Согласен, это опасный момент, – подтвердил он, – но кто не рискует, тот не побеждает. Да и к тому же, чтобы напасть на нас именно в это время, нужно быть провидцем, а Оттон, насколько мне известно, хоть и замечательный полководец, но к оракулам не относится. К тому же я не вижу иных вариантов втянуть его в драку, кроме как пойти на штурм города через парк. Но главное – сражение ведь начнется стихийно, с маленькой глупой стычки, понимаете? Возможно, на первом этапе Оттон даже не будет в курсе, что именно происходит в парке – так, какая-то мелкая драка. Ну что принимается?

– Конечно, принимается! – восторженно сказал Никий, в очередной раз убежденный в великолепии и неподражаемости своего кумира.

Крисс просто пожал плечами, Биллон молча кивнул, Роббер тоже.

Гордиан сжал свой маленький кулак, как будто ломая тонкими юношескими пальцами стальной прут:

– Тогда вперед!

* * *

В эту долгую ночь орудия гремели не переставая. В пять часов утра почти вся армия Оттона дралась в парке с по-прежнему превосходящими силами Армии рабов, и вся глупость этого сражения стала для полководца очевидной: это была ловушка!

Сражение началось в одиннадцать часов вечера, когда он только что прилег, чтобы выспаться после привычно тяжелого дня. В самом начале драка имела вид мелкой перестрелки между следовавшими в город габеларами из дальних поместий и ротой сервов, по непонятной причине именно в эту ночь решивших перекрыть Дуэльный парк.

В одиннадцать тридцать Оттон, поднятый с кровати отдаленными выстрелами и мощным одиночным взрывом (это Робер взорвал стену парка), с мрачным лицом выслушал доклад дежурного офицера и махнул рукой – две сотни никчемных габеларов его интересовали весьма незначительно. Так что в ответ на просьбу дежурного выделить роту поддержки, он только утвердительно буркнул и снова завалился под одеяло.

Примерно до двенадцати тридцати перестрелка разрасталась, втягивая в конфликт все новые и новые роты, а затем и батальоны королевской армии, которые подходили к месту боя поодиночке, разрозненно и спросонья – и только после того, как от их предшественников оставались лишь жалкие клочья! Дуэльный парк как огромная топка начал медленно сжигать королевскую армию.

Все это время Оттон спал, как сурок – дежурные не посмели будить командира, который отдал ранее однозначное распоряжение, а после прилег отдохнуть.

Все же, примерно в час ночи, дежурный офицер решился снова поднять Оттона, поскольку в огне ночного боя сгорал уже целый полк. Мелкая стычка решительно превращалась в серьезную баталию.

Оттон продрал глаза, раздраженно выслушал доклад и в полном бешенстве кинул в бой своих рейтар.

То была страшная ошибка, ибо в этот момент имелся последний шанс, когда королевская армия могла еще достойно выйти из боя. Оттон, однако, в эту минуту пребывал в слишком сильном раздражении, да к тому же и заспан, чтобы думать.

– Раздавить! – крикнул он дежурному. – В клочья! Все полки на западной стене – в ружье!

Так уж получилось, что на западной стене ближе всех к месту неожиданного сражения стояли именно рейтары, и, взлетев в седло, они бросились во тьму ночи.

Далее события развивались стремительно.

Пять тысяч рейтар – уже целых пять тысяч! – освещенные тусклым светом Медиас Кордис, приблизились к границе парка и, мелькая между деревьями, попытались навязать рабским мушкетерам «правильный» бой с традиционными для легкой кавалерии массовыми залпами и вольтами. Однако местность была слишком пересеченной, небо слишком темным, а стволы вековых дубов – слишком частыми для размашистого конного маневра. Кустарник и живые изгороди, то тут, то там разбросанные в этой части парка, рассеяли рейтар лучше, чем это могли бы сделать самые крепкие пики и самые острые алебарды. Сервские мушкетеры прятались за деревьями, палили и отбегали назад, увлекая рейтар все дальше и дальше в глубь расширяющегося к западу парка. В результате менее чем через час пять тысяч храбрых всадников оказались практически истреблены мушкетными пулями.

Тут же, увлекаемый товарищеским долгом, гневом на «грязных сервов» и ночным возбуждением, которое вполне обоснованно охватило размещенных перед парком королевских солдат, в дело ввязался еще один рейтарский полк, а также несколько пехотных частей, преимущественно батальоны ополченцев и габелар. На относительное счастье Оттона стоящие тут же, но более дисциплинированные пикинеры и алебардчики в лес не пошли, ожидая команды сверху, и спустя всего несколько минут атакующие части королевской армии, так же как и их предшественники, намертво увязли в затяжной перестрелке «втемную».

Оторвав зад от теплой кровати, Оттон лично выехал за стены укреплений и взгляделся все еще острыми и внимательными глазами в темный массив гигантского городского парка. Мысль об отступлении мелькала в его голове, однако, судя по всему, он уже опоздал. Под бликами лунного света по корням деревьев и в некошенной траве топталось почти двадцать тысяч человек, и бросить на произвол судьбы и сервской пули такое количество бойцов он не мог.

Ну что же, как ему казалось, потери, понесенные королевской армией до этого момента, объяснялись преимущественно несерьезным отношением командования к ночной стычке. В бой вступали малыми отрядами, которые последовательно перемалывались засевшими в укрепленной позиции сервами-мушкетерами. Расстояние от места схватки до лагеря восставших на пять километров больше, чем расстояние от этого же места до позиций Оттона, а значит, вводить свежие силы в ночную драку он сможет быстрее.

Следовательно – в бой!

План Оттона был прост. Ввести в парк значительные силы, прежде чем сервы успеют среагировать. Подавить вражеских мушкетеров массой и натиском, спасти своих и отступить обратно, за спасительные стены оборонительной линии.

Схватка происходит хаотически. Укрепления ни у одной из сторон не подготовлены. Случайный бой.

Решено!

Властным голосом знаменитый генерал дал команду, и королевская армия, всего шестьдесят тысяч человек, поднялась в ружье. Собственно, большая часть воинства, разбросанная крупными лагерями по периметру осады, только-только продрала глаза и под звуки рожков начала одеваться. Передовые же подразделения, те самые пикинеры и алебардчики, что ожидали команды сверху, размещенные ближе к рубежу перед парком, стояли «в ружье» уже больше часа, переминаясь с ноги на ногу и тихо матерясь. С них и решено было начать.

Двумя огромными змеевидными колоннами пикинерские полчища прошли через ворота Западной стены. Следом за ними к парку двинулись ополченцы числом шестьдесят пять тысяч и с ходу вступили в бой.

Через десять минут после начала этой фазы сражения Оттон поднялся на вал, пытаясь хоть что-нибудь увидеть через стекло подзорной трубы. Темнота и нагромождение деревьев не позволили ему это сделать, и командующий присел, ожидая докладов от вестовых.

Примерно в полтретьего ночи первый вестовой прибыл и доложил, что в парке оказалось большое количество вражеских солдат. Сколько – не понятно, но ясно, что их никак не меньше, чем королевских. Пикинерские колонны вошли в лес, рассеялись меж деревьев, с огромными потерями прошли сквозь первую линию сервов, стрелки которой были разбросаны по кустам, и тут же наткнулись на вторую, затем на третью, а после и на четвертую вражеские линии. Потери от рассеянного мушкетного огня оказались просто беспрецедентны, а далее последовала рукопашная контратака.

Длинные пики и тяжелые алебарды хороши на поле, в строю, когда товарищ прикрывает плечом товарища. В лесу же, когда ты бьешься почти в полной темноте, один на один, мушкет со штыком становится куда более грозным, дерзким и злым оружием. Он короче, чем пика, легче, чем алебарда, и значительно быстрее, а толстый трехгранный штык с раз-

маха бьет пехотный нагрудник. В общем, случилось невозможное – легковооруженные пехотинцы сервов опрокинули королевскую панцерную пехоту, лучшую в мире и не знающую себе равных!

Ровно в три часа ночи в дело вступили ополченцы. Сервы снова откатились, заманивая дилетантов в лес, и расстреляли их на третьей линии из засад. Оставшихся в живых встретили в штыки.

«Похоже, – мрачно подумал Оттон, – в следующем году нужно ожидать в парке бурного роста зелени. С момента основания Бургоса так щедро его никогда не удобряли...»

В три двадцать ночи Оттон бродит в ставке, сгорая от бешенства. Он уже четко осознает, что введение войск в непредсказуемую ночную схватку было ошибкой. И в то же время прекрасно понимает, что выйти из боя, бросив застрывших в лесу, избиваемых мушкетерами ополченцев, просто невозможно – ему этого не простят.

К черту, думает он, пусть будет, что будет. Бой решит все. По приказу королевского генерала вся его армия, снявшись с лагеря, темным спрутом потянулась в парк.

И снова диспозиция сыграла с Оттоном злую шутку. Королевские войска вокруг города располагались по кольцу, а значит, у каждого формирования расстояние до места боя было разным. Вводить же свежие войска в топку сражения требовалось срочно, так что при всем желании Оттону приходилось входить в схватку не всей массой своей армии, а разрозненно и в судорожной спешке.

Тем не менее к четырем часам ночи грубая сила сделала свое дело. Гигантские королевские полчища вступили в бой в парке, повернув тяжелое колесо фортуны в свою сторону. Вскоре сопротивление трех линий мушкетеров было подавлено, а четвертая линия уставших за ночь сервских стрелков, существенно израсходовавших боезапас, держалась разве что из последних сил и на том диком кураже, который им придали первые часы схватки. Оттон уже готовился дать распоряжение о завершающей атаке и победоносном отступлении обратно в лагерь, когда его уши уловили страшный далекий гул, доносившийся со стороны парка.

Стоящие вокруг офицеры замерли, да и сам Оттон превратился, казалось, в ледяную статую. Его тренированный мозг, привыкший за столетия военных кампаний различать самые тонкие оттенки батальных звуков, с роковой неумолимостью подсказывал ему, что именно он слышит, хотя сознание отказывалось в это верить.

– Это картауны, картауны, – зашептали за спиной офицеры, – это артиллерия!

Оттон покрылся холодной испариной. При всем своем желании он не мог ответить на огневые удары противника тем же – чтобы снять со стен и доставить на поле боя тяжелые картауны или даже более легкие кулеврины, потребуются часы, которых у него не было!

Смахнув леденящий пот, Оттон посмотрел на парк уже без подзорной трубы. Медиас Кордис медленно загорался розовым предрассветным огнем, постепенно освещая лесное море, ставшее сегодня ночью местом кровавого побоища.

Теперь Оттон видел все.

Навесом, через стены Дуэльного парка десятки, нет, сотни огнедышащих чудовищ лупили картечью по его оробевшим полкам, столпившимся плотными массами под ветвями деревьев. Картауны, кулеврины, мортиры.

Это был разгром! Генерал схватился за голову.

– Выводите, выводите их! – в бешенстве закричал он.

Но команда повисла в воздухе. Королевская армия слишком сильно увязла в своем натиске, слишком далеко откатилась от города. Пушки били ее по всему фронту, полосуюя ряды и шеренги неумолимыми граблями из свинца и смерти. Бешено замелькали мгновенья.

Пять минут, десять, двадцать.

Десять тысяч убитых. Пятнадцать. Тридцать.

Через полчаса королевской армии более не существовало. Часть обезумевших людей бросилась в самоубийственную атаку через стену парка на истязающих их артиллеристов. Другая часть метнулась через противоположную стену на прорыв из города. Оставшиеся тысячи бойцов, развернувшись и бросая оружие, помчались обратно в свой лагерь, надеясь найти защиту за насыпями осадного периметра.

Глупцы! На их плечах, наступая на пятки, к раскрытым воротам земляного вала, пустым палаткам, к оставленным без расчетов орудиям, к осажденному городу летели мушкетеры и спешенные драгуны Армии Свободы.

Гром! Оттон развернулся. Где-то за его спиной гремели залпы и лопались гранаты – это маршал Трэйт, засевший в городе, ударил в спину остаткам королевской армии.

Командующий сел и устало откинулся на спинку услужливо подставленного адъютантом стула.

– Оставить город! – приказал он. – Периметр не удержать.

Глава 3

Священник делает ход

Долгая ночь девятого Пафира все еще продолжалась, хотя ее уже рассеивал своими призрачными лучами кровавый рассвет. Рассвет поднимался над городом вместе с утренним паром от насыщенных влагой полей, а также тем духом ужаса, что витал над отступающими оттоновскими колоннами. Остатки королевской армии, сдавленные в железных тисках Равных, в судорожной спешке все еще выходили из города. В спину им били наступающие на пятки легионы Крисса и Гора, а незащищенный бок удирающих отрядов терзал Трэйт с засевшими в Старом городе консидориями и стрелками.

Орудия лупили, не переставая, трескали дружными залпами мушкеты. Оставляя раненых, бросая награбленное добро, пушки и даже ручное оружие, королевские солдаты пробивались вон из своей столицы.

Маршал Трэйт, верховный главнокомандующий Армии Свободы, стоял на площадке одного из старинных бастионов и с высоты почти тридцать метров смотрел на унижение противника.

Там царили хаос и паника, паника и хаос!

Не хотелось бы оказаться сейчас на месте Оттона, подумал маршал. Что ни говори, а в свое время старик был хорош. Когда-то в Лавзейской библиотеке юный Мишан Трэйт, тогда еще безусый консидорий, в краткие часы отдыха, которые позволял ему суровый дацион Черух, зачитывался воспоминаниями Оттона Великого о военных кампаниях, проведенных блестящим генералом в различных частях планеты-каверны. Мог ли он тогда даже думать, что означенный гений войны и публицистики сдаст его армии столицу Вечного королевства?..

Месяц назад, овладев Бургосом с лету, благодаря неожиданному речному десанту Бранда, и заняв восемьдесят процентов огромного средневекового мегаполиса практически без сопротивления, маршал Трэйт осадил в Старом городе остатки бавеновских полчищ.

Оба тертых вояки прекрасно осознавали бессмысленность ситуации, в которой оказались их армии. Два кольца окружения являлись стратегической глупостью, результатом которой мог стать только полный разгром запертых в Старом городе королевских отрядов – то был лишь вопрос времени. Однако Бавен оказался упорным орешком и не сдавался. Ощетинившись оставшимися в его распоряжении пушками, сенешаль Артоша изготовился к отчаянной обороне.

Тогда, желая сохранить жизни и время, Мишан Трэйт предложил Бавену пропустить королевские полки без боя. К этому широкому жесту помимо прочего прилагалась возможность сохранения вымпелов, вексилумов и знамен, ручного оружия и артиллерии, огромной казны столичной префектуры, всех запертых в городе шательенов и их семей, королевских ценностей, а также личного имущества жителей вселенской столицы.

Предложение было более чем шикарным. И выгодным обоим противникам: Трэйт получал огромный моральный куш – без единого убитого солдата он становился полным хозяином в столице рабовладельцев, а Бавен сохранял свою армию, артиллерию, казну города, его жителей и получал возможность продолжить военную кампанию, не рискуя жизнями гражданских лиц и опираясь на земли, связывающие его с королевским югом. Однако Бавена сразу арестовали и, как стало известно позже, провели через церковные нуль-порталы пред очи изверга-короля, а затем по непонятной причине зверски казнили где-то в Антийском Каскаде.

Преемником Бавена на посту командующего осажденными в Старом городе королевскими полками стал некий совершенно неизвестный Трэйту шательен с фамилией Де Люс-

сак, новый королевский префект. В оскорбительной форме новоиспеченный главнокомандующий отверг предложения рабского маршала и, более того, – повесил прибывшего к нему с этим предложением трэйтовского посла.

Маршал взъярился, поскорбел о своем дурачки погибшем вестовом офицере, собрал штаб и велел «мочить» королевских.

Штурм Старого города обещал быть кровавым, но с технической точки зрения ни у кого сомнений не вызывал. Тяжелых картаун у сервов имелось маловато, но и тех, что были, с лихвой хватало для такой задачи. Старый город являлся, скорее, декоративным укреплением и имел в большей степени историческое, нежели фортификационное значение. К тому же за спиной у Де Люссак в Замке Дракона сидели Бранд и Сардан, существенно отвлекавшие осажденных от непосредственной обороны внешнего периметра.

Так что, сделав в стене несколько широких проломов и снеся огневыми залпами почти все куртуазные башенки этого памятника столичной архитектуры, Трэйт уже приготовился не мудрствуя лукаво покончить с несчастным королевским воинством одним могучим движением армейских подразделений, как с юга явился Оттон...

Перед лицом столь прославленного противника штурм Старого города отложили.

Из заранее запасенных материалов была живо восстановлена внешняя оборонительная стена, и тяжелые орудия перенесли на нее – для противодействия артиллерии знаменитого карракошца. Затем к городу прибыли Гор с Криссом, и идиотическая ситуация с осадными кольцами еще более усугубилась.

Трэйт дождался, пока Крисс и Гордиан укрепят свои полевые лагеря и чуть отдохнут после длительного перехода, а затем приготовился «списаться» с ними, послав вдоль берега Кобурна ночных пловцов. Задача была проста: скоординировать действия сервов и разрешить ситуацию с четырьмя осадными кольцами в хаотической потасовке всех пяти армий. Но внезапно Гор сделал ход за него.

По мнению Трэйта, ход был рискованный, но, как показала практика, невероятно эффективный. Армия Оттона, вероятно, величайшего из когда-либо существовавших в Эшвене полководцев, улепетывала в данный момент по южному тракту, разгромленная бывшими гладиаторами рабских школ!

Все еще удивляясь таланту Гора как воеводы, Трэйт покачал седой головой.

Рядом стоял Рихмендер.

– Чистая победа, – прокомментировал его мысли старый товарищ и улыбнулся, показывая рукой на закрытый дымами город. – Если не ошибаюсь, именно так говорит барриста, когда в поединке консидориев повержен противник? Полагаю, эти слова очень подходят к данной ситуации.

Мишан Трэйт кивнул. Чистая победа, город взят. Однако почти шестьдесят тысяч оставшихся после сражения королевских солдат представляли серьезную опасность даже будучи разбросанными за пределами Бургоса. И хотя численное превосходство Армии Свободы после ночного сражения в Дуэльном парке создалось просто подавляющее, пренебрегать возможностью окончательно «примучить» вражеские отряды совсем не следовало.

– Битва не окончена, – озвучил Трэйт свои мысли. – Рихмендер, высылайте полки на перехват отступающих. Все резервы – за южную стену. Пусть отрежут Оттона от Кобурна и речной флотилии. Кроме того, мы пошлем курьера к Гордиану и Криссу, чтобы выводили своих драгун за стены парка и атаковали отступающие колонны кавалерийским порядком. Нужно добить раненую лисицу!

Трэйт развернулся и подозвал к себе вестовых.

– Господа офицеры. Ко мне!

* * *

Ранним утром семнадцатого Пафира первые лучи солнца осветили обширную долину Кобурна. Если бы одинокая птица пролетала в этот момент над рекой, она стала бы свидетелем захватывающего зрелища. С высоты птичьего полета, откуда только и можно было рассмотреть гигантскую полосу великой реки и серое пятно Бургоса, распластавшегося по земле мертвым грибным наростом, отчетливо виднелись десятки тысяч бойцов в разноцветных мундирах, марширующие по тракту и лугу. Почти шестьдесят тысяч королевских солдат разрозненными отрядами отступали на юг и на запад.

Оттон вел их к реке, ближе к спасительным водам Кобурна, где мельтешили вдоль берега корабли речной флотилии с заряженными картечью кулевринами. Он планировал укрыться в прибрежном лагере, ошетиниться штыками и под защитой судовых батарей пережить этот день. А дальше будет видно: либо удастся дожидаться новых подкреплений, либо – организованно отступить без наседающих на плечи преследователей, отступить без паники и суеты, превращающих отступающую армию в толпу перепуганных людей.

До реки оставалось всего семь километров, когда передовые колонны встали. Задние партии отступающих стали напирать на тех, кто двигался впереди, сокращая интервалы между колоннами, однако в целом организованное отступление застопорилось.

Оттон послал вперед вестового, а затем, в нетерпении, выехал сам в сопровождении штабных офицеров. То, что он увидел, заставило его грязно выругаться: из-за южной стены Бургоса выкатывались свежие, не измотанные многочасовым побоищем полчища Трэйта, намереваясь преградить его войску единственный спасительный путь.

Их было, в общем, не так уж и много, Оттон оценил заградительный отряд Равных примерно в пятнадцать тысяч человек, и в другой ситуации его войска смяли бы это ничтожное препятствие, давась от смеха и разбрызгивая рабские потроха своими пиками и мечами. Однако сейчас, когда в спину его полкам смотрел другой настигающий враг, препятствие это смешным не казалось. Отнюдь.

– Разворачиваемся! – снова в бешенстве заорал Оттон вестовым. – Отходим по тракту вдоль реки к Каробергу!

Команды понеслись по рядам. Измотанные боем и бессонницей колонны солдат-беглецов разворачивались на юг, на девяносто градусов в сторону от предыдущего направления. Прочь от речного лагеря и спасительной корабельной артиллерии, от древней столицы – к новой, еще не построенной.

Но опытный глаз Оттона уже видел, как на западе через проломы, сделанные минерами в низких стенах Дуэльного парка, пробираются полуэскадроны сервских драгун – не одна и не две тысячи, а много больше. Звериное чутье старого лиса вспыхнуло, обжигая грудную клетку тягостным и страшным предчувствием.

Предчувствие врать не могло: его ждал страшный и окончательный разгром.

Отступающие колонны двигались, далеко растянувшись по тракту, полки, пытающиеся маршировать вдоль дороги по полю, безнадежно отставали в этой изнурительной гонке смерти. Так что по мере продвижения остатки отступающей армии все более и более вытягивались в одну тонкую нитку, толщиной всего в пять, а то и десять шеренг.

Драгуны сервов настигали отставшие части, как волки настигают заплутавших овец, и устраивали резню. Они подлетали к центру колонны, делали залп, вольт и резким маневром безнаказанно откатывались обратно. Под этими быстрыми, точечными, но кровавыми и безжалостными ударами королевская армия все более и более превращалась в задыхающееся от страха стадо. Один за другим от нее откалывались части и люди. Кто-то погибал под

картечью драгун, кто-то сдавался, а кто-то, бросая оружие, бежал в лес, наплевав на приказы командира, воинскую честь и присягу.

Собственная кавалерия, представленная двумя полными полками шательенской конницы, уцелевшей в ночном сражении, шла в начале колонны. Еще при выходе из города Оттон приказал ей защищать тылы отходящей армии, но шательены, разумеется, отказались: не барское это дело прикрывать отход пехотинцев! Но сейчас это был единственный шанс, и, не медля, Оттон вторично послал вестовых к обоим кавалерийским полкам с приказом жандармерии собраться, выдвинуться в хвост колонны и пресечь вражеские атаки.

Однако великолепные шательены, краса и гордость Эшвена, игнорировав приказ своего командующего, пришпорили коней и дружно припустили по тракту на юг, галопом, бросая оставшуюся королевскую армию на произвол судьбы.

Им вслед понеслись проклятия. Передовые пехотные колонны устремились за ними бегом, задыхаясь под тяжестью доспехов и безнадежно отставая. Предательство благородных лордов не осталось незамеченным, по рядам войск прокатилась волна негодования, возникло ощущение полной безысходности и через короткое время, как после прорыва плотины, началось паническое бегство. Сотни, нет уже тысячи бойцов, как по команде, отбрасывали в сторону оружие и разбегались как зайцы, кто в сторону от тракта, на запад к лесам, кто на восток, ближе к реке и пляжам Кобурна. В течение нескольких минут армия Оттона умерла.

Замыкающие отряды сдавались гарцующим по полю драгунам уже организованно, по команде своих офицеров. Бойцы откидывали мушкеты и пики, снимали ремни с кошкодерами, поднимали вверх усталые, пустые ладони. Рядом с Оттоном остались лишь горстка штабных офицеров, рота охранения и ближайшие батальоны, не решившиеся сдаться победителю перед очами своего прославленного командира.

Оттон снял шляпу и несколько раз обмахнулся своим пышным головным убором. Вот и все, подумал он, конец армии, конец карьере. Сдаться наступающим сервам ему не позволяла честь. Пытаться спастись практически не представлялось возможным, а кроме того, Оттон лично присутствовал на казни сенешаля Жернака и был прекрасно осведомлен о том, как именно кончил жизнь его старый товарищ Бавен. Умереть в столь почтенном возрасте с колом в зад? Нет уж, увольте.

В этот момент подсказал офицер одного из оставшихся батальонов.

– Мы ждем ваших распоряжений, мой генерал, – прокричал он прямо с коня. – Отступить далее столь незначительным контингентом смысла не имеет, нас легко настигнут и сомнут на тракте драгуны. Предлагаю занять круговую оборону и драться! Мой генерал?

Оттон печально посмотрел на офицера.

– Драгуны сомнут нас в любом случае, мой друг, – спокойно ответил он. – Бросайте оружие и сдавайтесь. Насколько мне известно, Трэйт вполне сносно обращается с военнопленными.

– Мой генерал, о чем вы? Сдаваться рабам?!

– Ну что вы, сударь, – ответил военачальник, – рабам сдадутся наши солдаты. Таким образом, мы сохраним хотя бы их несчастные жизни. Что же касается офицеров, включая вас и меня лично, то тут я не в праве отдавать какие либо распоряжения. Действуйте, как подскажет вам совесть и честь командира.

С этими словами генерал Оттон, прославленный покоритель Хайрана, лорд Самоса и герцог Риши, полный кавалер семи высших орденов королевства, Тайный советник Его величества, герой Эшвена и просто солдат вытащил пистоль и приставил к подбородку.

– Прощайте, сударь! – произнес он бодро.

Пуля прошила мозг.

* * *

Викарий не видел позорного разгрома королевской армии, поскольку почти час назад отключился от спутникового канала. Он был занят подготовкой к атаке на Бургос и считал возможным отказаться от наблюдения. Место кардинала в центральном зале занимала клерик Селена, которая на время операции должна была стать его глазами, ушами и, пожалуй, даже нюхом, если понимать под таковым не банальное обоняние, а некое подсознательное чутье на опасность. Ибо в любой силовой акции интуиция почти всегда подсказывает больше, чем видит глаз и объемлет рука.

Фиолетовая рамка вспыхнула, блеснула переливами и показала кусок плохо освещенного помещения – нижние галереи Пашкот-паласа.

Юсуф взмахнул рукой, и две тысячи клерикальных мушкетеров шеренга за шеренгой шагнули в открывшийся межпространственный проем.

Операция началась!

* * *

Все это время Мишан Трэйт по-прежнему стоял на стене в стальной кирасе и почти в полном одиночестве. Как бы сказал Гордиан Рэкс, город был «демилитаризован», то есть практически очищен от пребывания военных, в том смысле, что все солдаты, находившиеся в нем еще ночью, покинули сейчас казармы и квартиры, посты и бастионы.

«Королевские», в том числе и из Старого города, драпали ныне по тракту, а бойцы Армии Свободы наседали на них, лупя, как говорится, в хвост и в гриву. Четырех колец окружения более не существовало, и в Бургосе больше не осталось войск.

Все находившиеся в оперативном распоряжении Трэйта немногочисленные солдаты стояли сейчас рядом с ним. Точнее, на крыше бастиона он был один, а два десятка консидориев сопровождения и примерно столько же штабных офицеров разместились ниже, не смея беспокоить командующего в минуту размышлений.

Трэйт бросил взгляд вверх, на белесые облака и яркий диск светила, блистающего в сердцевине небесного свода, и расстегнул ставший удушливым ворот камзола.

Битва закончена, от его решений более ничего уже не зависит. Еще час – и охота за отступающими королевскими частями завершится, а к вечеру выловят всех королевских солдат, пустившихся в бега поодиночке. Полки Равных вернутся в Бургос, можно будет дать отдых войску, да и самому поспать – все-таки три дня без сна это слишком даже для его не пробиваемого никакими недугами организма.

В этот момент в воздухе резко прозвучали выстрелы. Сначала Мишан даже не придал им значения, поскольку за последние двенадцать часов ухо уже привыкло к беспрестанному визжанию картечи, пороховому грому и реву пронзающих воздух ядер. Но сейчас выстрелы звучали слишком близко.

Трэйт подошел к противоположному бортику бастиона и посмотрел поверх кирпичных зубцов на происходящее внизу. На его скулах заиграли желваки: там, внизу, сотни стрелков в серых мундирах клерикальных полков расстреливали его охрану.

«Чистая победа?» – усмехнулся маршал.

Похоже, придется посорить.

* * *

Грянул залп!

Двадцать консидориев, скучающих у входа в бастион, ставший на последние пять часов резиденцией Трэйта, умерли мгновенно, не успев даже взяться за оружие. Серая масса клерикальных мушкетеров в угрюмых шинелях и войлочных колпаках, перекрывая все пространство от ближайших домов до городских стен, к линии которых примыкала каменная туша бастиона, устремилась навстречу своей цели.

Викарий приказал им взять маршала и убить остальных. И они убивали! Разместившиеся на первых этажах беззащитные штабные офицеры, картографы, советники и вестовые, умерли разом, пронзенные штыками. Пытавшиеся огрызаться из пистолетов адъютанты маршала распластались по полу, превращенные в решето мелкой мушкетной картечью. Рихмендер пал, сраженный пулей, поразившей худощавого старика в грудь и руку, поднятую им для защиты от убийственного свинца.

Наверху оставались лишь двое. Бывший призовой консидорий, чемпион боссонских авеналий, а ныне brave сервский полковник Дакер и сам легендарный маршал Трэйт на крыше этой маленькой и уже павшей крепости.

Уже павшей? Ну нет!

Предпоследний этаж. Выстрел. Первый же клерикал вылетел обратно в дверной проем с головой, простреленной пистолетной пулей.

Дакер встал здесь и оказался страшным противником!

Прежде чем избежавшая по лестнице толпа мушкетеров настигла его, он бросился к ним сам, отбросив в сторону разряженный пистоль, метнулся в самую гущу и начал работать мечом.

Так, как это делают в Дуэльной школе!

Раз, два, три! Укол, плавно переходящий в разящий удар наотмашь, змеиное движение кистью, отскок, отсеченная голова, разрезанные к чертям потроха и вспоротое горло!

Класс Лавзейской дуэльной школы явил тут себя во всем своем ужасающем совершенстве. Прежде чем кто-то из дальних рядов свалил блестящего консидория из мушкета, он положил пятерых, сильно порезал двоих и отсек голеностоп еще одному. Затем его, уже раненного, толпа сбила с ног прикладами и затоптала. Но даже после того как Дакер затих, клерикалы продолжали разить его штыками, не веря, что такое смертоносное и фантастически быстрое создание можно убить. Наконец, церковники остановились на незримое мгновение, чтобы оценить силу поверженного противника, воздать ему дань уважения и ужаснуться.

Один к восьми. Точнее – один с мечом к восьми с мушкетами.

То был зверский расклад!

Наконец, отбросив тело в сторону, клерикалы двинулись дальше.

Наученные горьким опытом предыдущей встречи, мушкетеры двигались вперед осторожно, стараясь не лезть на рожон. В конце концов маршала им нужно взять живым, а это значит, что мушкетные залпы им тут не помогут, придется не стрелять, а сражаться. Сотня штыков против единственного меча консидория! Силы не равны, но кто первый рискнет, судари, кто первый?

Трэйт не стал размениваться на мелочи типа игр с мечами. Он подождал, пока этаж заполнится людьми, и просто вышел к толпе из-за угла с двумя бомбардами под мышками каждой руки. Стволы были заряжены картечью.

Он дал залп с бедра и отбросил обе бомбарды. Свинцовые дробины, вылетев сквозь широкие раструбы бомбард, прошили воздух и разметали тела вбежавших в комнату бойцов

кровавыми ошметками по стенам и потолку. Остальные бросились врассыпную, скрывшись за дверными косяками и мебелью. Отстрелявшись, Трэйт мигом укрылся за спасительным углом, и запоздалые мушкетные пули с дальних рядов, просвистев мимо, воткнулись в стену. Трэйт улыбнулся. Щенки!

Вытащив гранату и отсчитав пару секунд, он не глядя метнул ее через коридор в дверной проем, за которым укрылись оставшиеся клерикалы. Прогремел взрыв и коридор с комнатой заполнились стонами раненых и изуродованных бойцов. И пороховым дымом.

Не дожидаясь ответа, Трэйт вскочил и с двумя пистолями за поясом, а также с парой мушкетов в руках припустил в надстройку бастиона. Клерикалы же, пораженные упорством единственного оборонявшегося, замешкались. Прошла, как минимум, минута, прежде чем с нижнего этажа новые бойцы решились подтянуться к коридору, в котором валялись, по меньшей мере, пятнадцать трупов их товарищей. Наконец, забросав коридор гранатами, они вошли внутрь и, не глядя на кровавые останки соратников и сдерживая рвоту, двинулись за Трэйтом.

Два наиболее храбрых и отчаянных головореза из числа церковников-мушкетеров шли медленно, плечом к плечу, нацелив стволы ружей и взгляд напряженных глаз на узкий проем ведущей на крышу двери-люка – она осталась приоткрытой. Солнечный свет пробивался тонкими струйками через узкую щель и пару небольших отверстий прямо над их головой чуть левее и соответственно чуть правее двери. Интересно, для чего они, эти маленькие бойницы? Может быть, вентиляция?

Неожиданно нечто темное выпорхнуло из ближайшего отверстия и бухнулось им на ботфорты, вертясь и искря фитилем. Бойцы лишь глянули друг на друга и истошно завопили от ужаса. Это стало последним, что они видели в жизни – испуганные глаза товарища и граната, шипящая под ногами.

* * *

Викарий подъехал к бастиону с точно рассчитанным им самим опозданием ровно в двадцать минут. За это время внезапный штурм и горячая схватка должны были подойти к завершению, однако, как выяснилось, не подошли. Засевший в надстройке бастиона маршал заблокировал дверь, привалил ее одним из имевшихся на этаже орудий и эффективно пресекал все попытки атакующих взять его штурмом. Маленькие бойницы, сделанные справа и слева от дверных проемов специально на этот случай, давали ублюдочному серву прекрасную возможность палить по стоящим на лестнице людям, не подвергая себя при этом особой опасности.

Если бы в распоряжении викария имелся его верный спецназ или хотя бы обычные морские пехотинцы королевского флота, можно было бы попытаться подняться по почти отвесным стенам крепости на крючьях и веревках и ворваться внутрь через окна, одновременно с нескольких сторон. Однако клерикалы для этого не годились – что с них возьмешь? Они всего лишь полевая солдатня, полные ничтожества.

Викарий отстранил в сторону майора в сером мышинном мундире, командовавшего штурмом и сейчас что-то тараторившего ему. А затем сделал раздраженный жест рукой – помолчи. Задумчивым взглядом он осмотрел бастион, оценил ветер и вновь подозвал офицера:

– Вот что, милейший, отведите большую часть своих людей подальше, скажем, на противоположные улицы. Хотя нет, на всякий случай, оставьте мне один взвод на нижнем этаже. Далее мне нужны от вас четверо наиболее крепких парней с хорошим здоровьем и покрупнее. Для них – вот это...

Он раскрыл небольшой подсумок, висящий у него через плечо.

– Пусть наденут на лица. Надевается вещица вот так, а потом вот так... – Викарий показал. – Все довольно просто. Понятно?

Майор обомлел:

– А что это, сэр?

– Противогазы, сударь, если вы понимаете, о чем я. Это спецсредства из арсенала Господа Хепри.

Майор задохнулся:

– Но как возможно?! Магическое оружие под строжайшим запретом, только спецназ имеет право...

Викарий презрительно посмотрел на клерикала.

– Да, только спецназ, – сказал он. – А еще я.

Не торопясь, он достал из подсумка гранатомет, двумя движениями собрал его, один за другим вставил в оружие восемь забавных зелено-фиолетовых вещиц, напомнивших клерикальному офицеру недозревшие плоды лимона. Потом надел на лицо собственный противогаз, застегнул молнии костюма химзащиты, надетого под мундир, натянул перчатки и передернул затвор.

– Четверо с противогазами поднимаются за мной, – пробурчал он из-под резиновой маски, – остальной взвод перекрывает подножие бастиона. Все прочие пусть засядут в домах через улицу. И да, командир, посадите их с наветренной стороны, это важно!

Один за другим странные незнакомые заряды влетели в окна бастиона, со звоном выбивая стекла и заполняя помещения густым тягучим желтым дымом.

Викарий вспомнил инструкцию: «Использование химзащиты обязательно».

Он усмехнулся: у вас она есть, мастер Трэйт?

* * *

Спустя час к опустевшему зданию бастиона подоспели вооруженные протазанами расчеты артиллеристов из Дуэльного парка. Еще через тридцать минут подскакали Крисс с тысячьо конных драгун и Гордиан с двумя десятками верховых сопровождения. Бесчисленные мушкетерские роты и батальоны консидориев спешили к месту побоища пешком, задыхаясь от бега.

Гордиан и Крисс спешили первыми, выпрыгнув из седел чуть ли не на ходу и вбежали в здание. Повсюду висел удушающий запах газа, выветрившегося уже до безопасного состояния, но оставившего свои «ароматные» следы в воздухе маленькой цитадели.

К ним навстречу, опираясь единственной целой рукой на поддерживающего его артиллериста, развернулся и даже привстал Рихмендер, постаревший казалось еще на десяток лет. На правой руке, в том месте, где у человека обычно бывает кисть, у него болтался разможенный окровавленный веник с торчащими наружу костями и кое-как перебинтованный обрывком грязной рубахи. Очевидно, старый командир испытывал страшную боль, но на лице его не дрожал даже мускул. Он подошел к Фехтовальщику и схватил его здоровой рукой за грудки.

– Трэйт схвачен! – прохрипел он. – Трэйт! Схвачен!!!

Глава 4

Сделка лжецов

Республика была обезглавлена. У нее вырвали сердце, вырезали печень, выжгли мозг и глаза!

Однако, если использовать ту же аналогию, руки, точнее кулаки, у Армии Равных еще оставались. У победоносных полков, с ходу взявших грозную столицу Королевства рабовладельцев, остались полевые полковники, колонели, и хотя связующей их силы, единого разума, заключенного в простом крестьянском лице их непобедимого седого командира не было, все военачальники армии горели решимостью вернуть Трэйта в строй!

Трэйт схвачен. Трэйт схвачен!

По каменной брусчатке древнего города топали две тысячи консидориев. Их подбитые железными гвоздями ботфорты выбивали четкую дробь по булыжникам мостовой. Закованные в латы лавзейцы смотрели на молчаливые стены старинных домов грозным взором из-под надвинутых шлемов. За ними семенил едва ли не весь стрелковый корпус, артиллеристы и мушкетеры, почти пять тысяч человек с мушкетами наперевес и обнаженными кошкодерами.

Впереди всей этой молчаливой железной массы, сжимая в руках оружие, выступали Бранд Овальд и Гордиан Рэкс.

Бранд шел, взирая на всех с высоты своего нешуточного роста и свирепо вращая глазами. В руках он сжимал огромный, почти мясницкий топор, устрашающий одним своим видом. Рядом с великаном, шагая более часто, чтобы поспевать за своим длинноногим товарищем, но с таким же решительным видом, бесшумно и быстро, как кошка на ночной охоте, двигался Гор Фехтовальщик. Пророк и Апостол. Маленький юный уродец с конопатой рожей. Мушкет за спиной. На поясе пистолеты. В портупее шпага. Руки сжаты в кулаки. В сердце каждого, кто шел сейчас за ними по узким улочкам замершего в испуге города, kloкотала ярость.

Трэйт схвачен. Трэйт! Схвачен!

Немногочисленные пешеходы, попадавшие в этот час на пути, поспешно отскакивали к стенам домов, стараясь вжаться в кирпичную кладку, или же резво убегали, чтобы не столкнуться с марширующими солдатскими рядами. Озлобленность сервов, казалось, была материальной и, как волна, бежала впереди молчаливых колонн, спешащих к центру Старого города. Два или три раза дорогу консидориям перегораживали посты, поставленные командованием Армии Свободы. Однако, увидев впереди закованной в латы массы знакомых каждому вождей восстания – а Бранд и Гордиан пользовались известной славой в рядах собратьев по оружию, – постовые расходились, убирая свои алебарды и мушкеты подальше и отступая к стенам подобно обычным пешеходам. Тех же, кто осмеливался не то что препятствовать, а хотя бы просто задавать вопросы, Бранд отпихивал могучим плечом в сторону и шагал дальше, не обращая внимания на протесты и ругань. Сопrotивляться разъяренному великану не смел никто.

Трэйт схвачен. Трэйт!! Схвачен!!!

Наконец железнобокие консидории и серомундирные мушкетеры, вынырнув из узких уличных проходов с разных сторон, подошли к площади Пашкот-паласа и замерли, напряженно вглядываясь в башни и анфилады старинного дворца. Бойцы в нетерпении теребили оружие, готовые ко всему. Сердце ненавистного королевства рабовладельцев было окружено солдатами рабской армии – их ненавистью и оружием.

И все же ненависть не являлась в этой огромной закованной в латы или увешанной огнестрельными пукалками толпе каким-то всеохватывающим чувством. Во время движе-

ния по улицам города, несмотря на свой грозный, убийственный вид, дьявольское сверкание глаз и клокочущую в сердце ярость, уроженец Нуль-Корпорации, мистер Гордиан Оливиан Рэкс, в отличие от большинства своих более примитивных спутников, старался не только до боли в ногтях сжимать рукоять шпаги, но и анализировать ситуацию. Постепенно он заставил себя сдерживать эмоции, успокоить бешеный темперамент, присущий, по всей видимости, не столько трехсотшестидесятилетнему разуму демиурга, сколько его юному телу.

И результаты в его мозгу не замедлили появиться. В Апостольской церкви, размышлял Гор, работали, по всей видимости, неплохие аналитики. После захвата в плен главы курии кто-то из них «просчитал» его с Трэйтом. Изучил, разложил по полочкам все стремления и мотивы, а затем сделал единственно верный ход! Расчетливый, необычайно ничтожный, почти что точечный укол и ...потому поражающий своей эффективностью. Торговаться с храмовниками, тыкая их носом в плененного кардинала, теперь стало невозможно, и задумка Гордиана, на которую он возлагал столько надежд и которой посвятил столько времени, размышляя зябкими вечерами на коротких стоянках, похоже, летела ко всем чертям.

«Итак, – подумал бывший демиург, – есть Трэйт и есть кардинал. Ну что же, посмотрим...»

Не медля далее, рабский полковник вышел вперед, чуть дальше, чем стоящие вокруг бойцы, но в то же время не сильно высовываясь из общей массы. Он сосредоточился, стараясь отвлечься от постороннего шума и движения тысяч тел. Картинка окружающего мира привычно сдвинулась. Изображение заиграло, дернулось и превратилось наконец в подобие двух отменного качества слайдов, наложенных друг на друга. На одном по-прежнему виднелись грозные солдаты в доспехах и без, а также красивый старинный дворец, а на другом...

Пашкот-палас окружало тонкое, едва различимое фиолетовое сияние с четко очерченной границей – так сверкало силовое поле. Незримая, почти невидимая даже для нарождающегося *Тиеди*, но при этом незыблемая и несокрушимая материальным оружием стена отделяла его от последних врагов восстания в древней и великой столице. Ну, с Богом, сказал он себе. С тем, который Иешуа, конечно, а не Хепри.

Гор подал знак, и Никий с одним из стрелков вывели из рядов сервов связанного по рукам кардинала.

Амир стоял на ногах, но при этом шатался словно пьяный. Голова его болталась из стороны в сторону, а по подбородку стекала слюна.

Гордиан отступил снова в толпу солдат и там, уже невидимый для гипотетического наблюдателя в Пашкот-паласе, опустился на землю. Он сел в традиционную для медитации позу «лотоса» и медленно потянулся к спящему мозгу Амира. Мысленно коснулся входного отверстия шунта и рухнул вниз, в самый центр «я» пленника.

Секунда. Две. Веки Амира медленно разлепились, и Гор посмотрел на мир глазами кардинала. Как всегда после проникновения, Гордиан испытывал легкое головокружение. Это сказывалась разница в общих физиологических параметрах у него и у Амира, но через несколько минут все должно было пройти.

Гордиан сделал шаг, другой, привыкая к новой оболочке. Повернулся и скользнул взглядом сквозь ряд солдат по застывшему без сознания собственному телу. Все хорошо.

В этот момент из рядов вышли старшие офицеры – Бранд и Крисс. Они подхватили его, стараясь держать так, как держат пленника. Бранд взял Гордиана (точнее, тело Амира) за шею и приставил к его виску заряженный пистоль. Крисс же, габеларская рожа, отработанным приемом заломил пленнику руку и железной хваткой вцепился в плечо. В такой связке они и прошли к воротам древнего дворца и остановились прямо перед закрытыми створками.

Разумеется, за ними наблюдали.

Чугунные решетки ворот, украшенные замысловатым литьем, имели забавные витые загогулины внутри вензелей и орнаментов. Две из них медленно и почти незаметно для глаза вертели из стороны в сторону, поблескивая красной точкой оптического зрачка. Видеокамеры, понял Гордиан. Две на воротах, две чуть дальше на ближайших секциях забора и дальше – раз, два, три, – он насчитал, по меньшей мере, еще восемь скрытых камер, после чего бросил это занятие. Судя по всему, видеонаблюдение велось по всему периметру ограды. Может, разбить ближайшие из мушкетов? Пожалуй, нет, мерцающая стена силового поля проходит прямо перед створками. Да и не стоит разговор начинать со стрельбы, по крайней мере, нам. Лишь бы с той стороны палить не начали.

– А не шамальнут ли в нас, а, Гордиан? – Бранд, видимо, подумал почти о том же самом. – Стоим ведь голые посреди площади. Свинцом в лоб – милое дело.

Фехтовальщик дернул щекой – вот бы кто ему на такой вопрос ответил!

– Не знаю, – сказал он вслух, – но надеюсь, что стрелять не станут. Видишь вон те узоры в чугунном литье? Да, те, с красной точкой. Они медленно шевелятся. Это их глаза. Они видят нас и видят лицо своего кардинала и твой пистоль у моего виска.

Бранд посмотрел на пистоль нехорошим взглядом.

– Странно мне все это. Ты вроде – а вроде и кардинал! Ненавижу эту рожу. Так что не обессудь, если я тебе в этом теле полбашки снесу.

– Да ну, какие обиды, – попытался пошутить бывший демиург, – полбашки твои. Сноси на здоровье.

– А не заткнуться ли вам обоим? – прошипел Крисс. – Юмористы хреновы! Похоже, к нам делегаты с той стороны забора.

Действительно, из резных дверей в главном фасаде здания вышли три человека, один из которых носил традиционное церковное одеяние – длинный черный камзол с поднятым коротким воротничком и маленькой серебряной пекторалью на шее, а двое других в военной гвардейской форме.

Церковник был высок и строен, хорош лицом и вообще имел вид, необычайно благолепный, хотя и несколько бледный. Именно людей с подобным обликом всегда рисует воображение, если представляешь себе служителя церкви. Гордиан усмехнулся и мысленно одернул себя. Местная богадельня менее всего, по его мнению, попадала под понятие «церкви» и, скорее, являла собой пример отлаженного коммерческого предприятия, промышленявшего в числе прочего производством оружия и рабов. Так что перед ним не «отец», не «падре», а всего лишь топ-менеджер враждебной организации.

«Топ-менеджер» вышел вперед, подойдя вплотную к незримой силовой линии, отделявшей дворец от остального мира.

– Ваше преосвященство? – спросил он, внимательно глядя в лицо Гору-Амиру.

Тот молча зыркнул в сторону схватившего его Бранда. Бранд засопел, сильнее надавил дулом на висок Гордиана и ... ничего не сказал. Только железной хваткой вцепился в шею пленника, да так что тот рефлекторно поморщился от боли и от досады на товарища: вот же дубина, двух слов связать не может!

– Им нужен Трэйт, – сказал Гордиан, стараясь хрипеть и говорить как можно более подавленным голосом, чтобы собеседник не уловил изменившейся манеры речи у мнимого первосвященника и его оригинала. – Отдайте им маршала и меня отпустят.

Церковник еще внимательнее вгляделся в Гордиана, одновременно прислушиваясь к какому-то сообщению, явно прозвучавшему в этот момент у него в шунте, и медленно покивал головой:

– Обмен возможен. Но нам нужен кардинал, а не то, что я вижу перед собой. У меня есть средства, которые позволяют думать, что передо мной не Его преосвященство. Вы ведь не Амир, не так ли?

Это был критический момент. Гор понял, что у церковника, очевидно, имеются приборы, снимающие ментальные спектры людей, и то, что там можно увидеть, кардинально отличается от того, как выглядит спектр кардинала Амира.

Гор почувствовал, как напряглись руки гвардейцев, стоящих за спиной церковника, как легла на рукоять сабли ладонь Крисса, и собственным виском ощутил, как Бранд притер палец к спусковому крючку прижатого пистолета. В этот момент Фехтовальщик внезапно и вполне отчетливо осознал, что через мгновение вместо шести крепких, здоровых мужчин перед воротами может оказаться шесть крепких, «здоровых» трупов.

– Спокойно! – воскликнул он, осторожным движением отвел пистолет Бранда от своей головы и затем вывернулся из рук своих спутников.

Встряхнулся, улыбнулся, поднял руки и посмотрел в глаза собеседнику, мнение которого в этой ситуации было решающим.

– Да, я – не Амир, – просто заявил Гор.

Церковник улыбнулся краем рта. Его рука лежала на поясе, а за поясом был пистолет. Все висело на волоске.

– И?..

– И я предлагаю вам его, вашего кардинала! Тело, которое вы видите перед собой, это тело Амира, в нем заключена его личность. Сознание кардинала подавлено. Если в этот момент тело Амира погибнет, его «я» умрет навсегда.

Церковник покачал головой:

– Это невозможно. Аппаратура, отслеживающая души погибших в Эшвене, стара как мир и сбоев не дает никогда. Если тело убить, Его преосвященство очнется в новой оболочке в своем дворце. – Он показал большим пальцем назад. – Именно здесь, в Пашкот-паласе, в покоях верхнего этажа.

– Отлично! Но насколько вы уверены в этом? – продолжил Гордиан. – Аппаратура воскрешения не давала сбоев ни разу. Замечательная статистика! А сколько раз сознание Его преосвященства оказывалось подавлено сильным медиумом и сколько раз в его тело вселялся «чужой»? Опять же сколько именно раз вы видели свечение ауры, подобное моему? Один раз? Два? Может быть, три? – Гор сделал шаг вперед, и под его напором враг-собеседник неожиданно для себя отступил на тот же шаг назад. Гор же буквально рокотал, а не произносил слова: – Ты не знаешь этого! Но я – знаю! Стоит мне нанести этому телу смертельный удар и твой босс сдохнет, как последний серв, не имеющий шунта. Вот так!

Гор сделал быстрое движение. Его и церковника отделяло всего двадцать или тридцать сантиметров друг от друга, и он решил подавить решимость собеседника еще одним доводом, мелким, но всегда производящим впечатление – ловкостью фехтовальщика. Рука потянулась к поясу врага, чтобы выдернуть оттуда чужой пистолет и приставить к его же животу.

Но, к своему стыду, он начисто забыл про силовое поле.

Треск! Искры! Незримая стена, все это время отделявшая двух людей, сработала как надо. Короткий разряд пробежал сквозь присвоенное тело кардинала и ушел в землю, унося с собой мысли и контроль над собой. Мир красочно распался на пазлы и собрался вновь, но уже с другого ракурса – Гор, хрипя, лежал на земле у ног Бранда и Крисса.

Церковник ухмыльнулся.

– Возможно, вы правы, – спокойно сказал он, глядя на Гордиана сверху вниз, – эта сделка выглядит разумной. В конце концов, мы меняем Его преосвященство «всего лишь» на бунтовщика, который и так рано или поздно будет пойман. Так что рисковать, убив сейчас занятое вами тело, смысла нет. Вставайте. Кстати, с кем имею честь?

Гор с трудом поднялся, опираясь на руку Бранда. Его трясло мелкой дрожью и сильно тошнило. Как глупо!

– Командующий стрелковым корпусом Армии Свободы полковник Гордиан Рэкс, по прозвищу Фехтовальщик. Он же – Ракир-Жало, Апостол Свободы, Тринадцатый пророк и прочая и прочая. А вы кто?

– Али Юсуф, викарий кардинала.

* * *

Когда спустя двадцать минут Гор, Бранд и Крисс вернулись к своим, старшие офицеры бросились к ним с расспросами. Но Гордиан поднял руку, и все замолчали. Ничего еще не было решено, нечего было и говорить об этом. Решать предстояло троим – именно Гору, Бранду и Криссу, поскольку после пленения Трэйта в силу отсутствия при армии Сабина и ранения Рихмендера старшими в гарнизоне захваченной столицы, да и вообще в армии, за исключением Вордрика Аймена, оставшегося в Бронвене, стали именно они.

– И что, ты думаешь, ему можно верить? – спросил Бранд, как только они оказались одни в небольшой бакалейной лавке напротив Пашкот-паласа, приспособленной под оперативный штаб переговорщиков.

– Я слышал то же, что и ты, старина, – ответил только что «переодевшийся» Гор, кидая шляпу на стол, – понятия не имею.

Он задумчиво посмотрел на лежавшее на легкой кушетке тело Амира, мозг которого он только что оставил, вернувшись в собственный.

– Скажу одно: менять кардинала только на Трэйта мы не должны. Его преосвященство – слишком значительная фигура для всего королевства.

– А Трэйт что же? Он, по-твоему, меньше стоит, чем этот мешок дерьма? Наш маршал – герой, вождь восстания! А этот... да даже слов нет ругательных, чтобы описать, какая это гнида.

– Зато есть обычные слова, Бранд. Амир – это глава Бургосской курии. Сиречь – глава всей эшвенской церкви. Первый здесь после Господа Хепри, к тому же бессмертный. Ты можешь себе представить, как бессмертное существо должно дорожить своей жизнью? Это должна быть для него абсолютная ценность. Превыше долга, чести, превыше Родины, семьи, любимой женщины, превыше вообще всего. И у нас есть шанс сыграть на этом!

– И что ты предлагаешь?

– Не знаю пока. Можно попытаться провести этого церковного прихвостня: взять Трэйта и не отдавать кардинала. А потом потребовать еще... уж не знаю чего. Снять ошейники со всех сервов на планете, например. Передать нам оборудование синтеза храмов. Да что угодно!

– Звучит заманчиво. Да только реально ли это? Викарий, сдается мне, не дурак.

Фехтовальщик вздохнул:

– Он, конечно, не дурак, но ведь и не медиум, как я, верно? Надо пробовать.

Гор опустил голову, и Бранд глянул на Крисса.

– А габелары чего молчат? – спросил он. – А, голова вертухайская?

– Гордиан прав, – задумчиво сказал Крисс, как всегда, ничуть не обиженный. – В смысле, нужно торговаться. Но обманывать его – я против. Лучше прямо предложить. Он должен понять, если хочет вернуть господина.

– А хочет ли?

Крисс ухмыльнулся:

– Откуда ж я знаю? Надо пробовать!

Через полчаса они снова вышли на площадь.

– Слышь, Гордиан, – поинтересовался Бранд, – и что, Амир действительно умрет, если я убью это тело?

Тот пожал плечами:

– Думаю, да. Я держу его сознание под контролем. Оно сейчас подавлено и не сопротивляется. Вопрос лишь в том, что мне придется удерживать его сознание в его мозге в самый момент смерти. Это всего несколько секунд, может быть, минута. Но минута – это все же время, и в течение этого времени я буду совершенно беззащитен. Собственно поэтому я и оставил свое тело там, на расстоянии, за рядами своих мушкетеров. Когда я внутри Амира, я удерживаю его сознание в мозге автоматически. Поэтому, если его тело начнет умирать вследствие, допустим, колотой раны в сердце, то начнет умирать и его личность, подавленная моим сознанием. Аппаратура воскрешения в Храмах просто не сможет эту личность зафиксировать. Когда же мозг кардинала умрет, мое «я» также исчезнет внутри него и я автоматически очнусь в своем теле. Понятно объясняю?

– Вообще-то не очень. Короче, он сдохнет?

– Короче, да.

Они подошли к воротам почти в той же сцепке – Гор в теле Амира, Бранд за ним с пистолетом у кардинальского виска, а Крисс чуть сзади также с пистолетами за поясом и шпагой в ножнах.

Их уже ждал Али Юсуф.

– Пока его преосвященство не слышит, – начал он, – скажу, что мне очень необычно видеть непосредственное начальство в таком пикантном положении. Надо же, как он плохо выглядит! Надеюсь, вы не пытали его и вообще не чинили вреда?

– Только тот, который был минимально необходим, сударь, – ответил на вопрос Гордиан, поминая давешний молоток и его воздействие на пальцы Его высокопреосвященства. – Ему, видите ли, кирпичи на руку упали в момент, э-э... задержания. С крыши, от взрыва.

– Ну-ну. И что вы решили, господа, по поводу моего предложения?

– Будем меняться, – улыбнулся бывший демиург.

– Отлично! Тогда еще раз повторим условия...

– А условия, знаешь ли, несколько меняются! – решительно встрял Бранд. – Во-первых, гвардейцев твоих пленных мы отдавать не будем, хватит и одного кардинала. Если хочешь, можем их потом на сервов каких-нибудь поменять. Это, значит, раз. Во-вторых, кроме маршала Трэйта, мы хотели бы получить оборудование синтеза для организации собственной фабрики по производству оружия, боеприпасов и продовольствия. Это, значит, два. И, наконец, вы должны дезактивировать все рабские ошейники, какие только у вас в церкви есть. Дашь свободу всем сервам! Это все.

Викарий несколько секунд смотрел на Бранда, потом тихонько рассмеялся в кулачок.

– Очень скромно, – сказал он наконец, – но главное, смешно. И вы действительно решили, что мы освободим всех рабов Эшвена? Я еще согласен подумать на счет пленных гвардейцев, но оборудование синтеза и все ошейники – это через край!

– Как знаете, сударь, но это наши условия. Быть может, вам нужен перерыв, чтобы их обдумать? Обсудить с кем-нибудь?

– Обсуждать мне нечего и не с кем, господа. В церкви, если вы забыли, установлена система единоначалия. Старше меня – только кардинал, – тут он довольно неуважительно показал подбородком на тело Его преосвященства, временно занимаемое сознанием Гора, – а все остальные в Бургосской курии – ниже. Так что советоваться мне не с кем.

– Отлично! – передразнил тон викария Гордиан. – Тогда скорее соглашайтесь, и мы немедленно вернем вам ваше «непосредственное начальство».

Юсуф молчал. Гору показалось, что его лицо сделалось более внимательным, хотя вроде бы и не меняло своего выражения. Прошла минута, и наконец викарий сказал:

– А почему вы решили, что можете ставить мне условия? Что если я сейчас выведу вашего маршала и пристрелю его у вас на глазах? А потом велю дать залп собственно по вам?

– Вы молчали почти минуту, сударь, прежде чем сказать нам это, – радостно возразил Гордиан, – и я полагаю, что все сказанное – блеф. Вы не станете ни казнить маршала, ни стрелять по нам. Ведь здесь кардинал.

– Черта с два! – Юсуф приложил указательный палец к черной точке мобильного телефона, закрепленной внутри правой ушной раковины, и ритмично нажал, вводя пин-код.

– Заключенного ко мне! – уверенно приказал он, однако от Гора не ускользнуло, как легонько дрогнул его голос.

Вскоре пара молодцов вывела из здания маршала Трэйта в изодранном мундире. Командир выглядел несколько потерянно, возможно, от непрошедшего еще химического отравления, но ни кровоподтеков, ни синяков Гордиан на нем не заметил.

Трэйта повалили на колени прямо перед ними. Их разделяла всего пара метров и... непроницаемое силовое поле – не достать.

Викарий вытащил из-за пояса пистолет и взвел курок. Брови Гордиана медленно поднялись вверх: в отличие от прошлого раза в руках у Юсуфа находился не пистоль, а именно пистолет, точнее – барабанный револьвер вполне стандартной конструкции. Пока оружие оставалось в кобуре на поясе, Гор не мог отличить его от привычных кремневых пистолей, поскольку рукоять револьвера была сильно изогнута и отделана резной костью. Однако сейчас различия стали очевидны.

– Ого! – сказал Гор, показывая на револьвер. – Интересная штукавина.

Викарий, собравшийся приставить оружие к темени Трэйта, остановил движение.

– Это оружие знакомо вам, сударь?!

– Представьте себе, да!

– Похоже, вы еще более загадочный человек, чем я думал...

– Похоже!

– Но это не меняет расклада. – Юсуф все же приставил револьвер к голове маршала. – Мое окончательное предложение таково: меняем Трэйта на Его преосвященство. Гвардейцы пока остаются у вас. В качестве бонуса предлагаю в дополнение к вашему предводителю четыре аппарата для синтеза промышленных изделий. Сможете делать ядра для пушек, пули и мушкеты. Ну и прочую дрянь. Орудия лить не сможете. Большого дать не могу, поскольку в Пашкот-паласе всего четыре аппарата, а разукomплектовывать для вас оборудование храмов Хепри я не стану. Как выражается ваш разговорчивый друг, – викарий кивнул на Бранда, – это все. Согласны?

Троица переглянулась. Барабанный пистолет у затылка маршала выглядел весьма красноречиво. Почти так же, как кремневый пистоль с картечью у виска кардинала. Кто его знает, этого церковника, вдруг ему и вправду плевать на «непосредственное начальство»?

– Согласны, – кивнул Гордиан. – Как будем меняться?

– Да очень просто. Силовое поле открывается посекционно. Пространство ворот – это отдельная секция. Я отключу поле здесь, но по периметру оставлю. Трэйт пройдет через ворота к вам, а Его преосвященство – ко мне.

– А аппараты?

– Их вам вынесут. Пригласите шестнадцать носильщиков, чтобы можно было дотащить технику к вам. Сначала заберете аппараты, потом обменяемся пленниками. Но пусть они будут без оружия. И вы трое также приходите на обмен без оружия. Только кинжалы, чтобы было, что приставить к горлу заложников. Ни пистолетов, ни мечей. Я знаю, что все вы – бывшие консидории, и я не хочу здесь бойни. Годится?

– Пожалуй. Если условие об оружии распространяется и на вашу сторону.

– Разумеется. Только кинжалы.

– Ну и отлично. Так я зову носильщиков?

Викарий покачал головой.

– Нет-нет, – заявил он, – встречаемся через час. Мне понадобится время, чтобы демонтировать аппараты во дворце.

– По рукам!

Они вернулись в бакалейную лавку и стали совещаться дальше.

– Он лжец, – заявил Гордиан, – я хорошо рассмотрел линии силового поля, пока мы там болтались. Оно имеет одностороннюю структуру!

– Не понял, – удивился Бранд. – Что это значит?

– Это значит, что если стрелять будут с «той стороны», то пули и энергетические лучи пройдут сквозь него. А если стрелять будем мы – пули срикошетят или сгорят.

– Круто!

– Круто не только это, Бранд. Ты видел турели на крыше здания?

– Что видел?!

– Маленькие, стянутые друг с другом трубки на треногах, по шесть штук в связке, с отверстиями. Не видел? Так вот, они там есть. Это крупнокалиберные пулеметы. Нечто вроде сверхбыстрого самозаряжающегося мушкета. Дальность боя – наверняка свыше тысячи метров. Это значит, что если викарий захочет, он расстреляет всех, кто есть на площади. Всех наших солдат. Я не помню данных по скорострельности именно этой модели, но что-то подсказывает мне, что она выкосит всех наших бойцов минут за пять—десять. Когда-то я смотрел старый фильм про концентрационные лагеря, так вот там, для того чтобы в случае бунта перестрелять всех заключенных, достаточно было десяти башен и десяти пулеметчиков на них. А во дворце их больше, чем десять, и все автоматические, без стрелков.

– Да ну, брось, Гордиан, где ты видел такие скорострельные мушкеты, да еще стреляющие сами по себе?!

Гор чертыхнулся, подошел Бранду и схватил его за отворот мундира:

– Они стоят на крыше дворца, Бранд! Я их там видел! Ты понял?!

– Так это значит...

– Именно! Как только кардинал окажется за воротами, Юсуф активирует силовое поле и таким образом закроет Амира от нас. Затем откроет кинжальный огонь из пулеметов. Войска, стоящие на площади, будут расстреляны, а нас троих... Ну, нас могут либо также расстрелять, либо захватить обратно вместе с Трэйтом в плен. Что называется – на выбор заказчика.

– Но ведь викарию не обязательно так делать. Он может и выполнить свое обещание, а эти, как ты говоришь, турели – просто для подстраховки.

– Может быть, конечно, и так. Викарий действительно может быть честен с нами. Возможно, он на самом деле просто обменяет маршала на кардинала, даст нам аппараты и все. Но подумай! Как бы сделал ты на его месте? Ведь каков шанс! Можно вернуть кардинала и покончить со всеми военными лидерами восстания прямо здесь, прямо сейчас, верно? Что же касается его честности, то не забывай: мы для него всего лишь сервы. Меньше чем животные! Слово, данное рабу, это слово, данное пустоте.

– Верно, – как всегда последним подал свой голос Крисс, почему-то размяв кулаки, – в любом случае мы должны подстраховаться. Мы консидории или нет? Я вот что предлагаю...

* * *

Шестнадцать рабочих отнесли четыре аппарата синтеза в глубину солдатского строя. Гор хотел бы проверить технику на предмет работоспособности, но решил отложить этот вопрос на потом. Сейчас не это главное, самое важное – Трэйт и кардинал.

Сейчас Амир был Амиром, а Гор – Гором. Он впервые подошел к воротам дворца в собственном теле. Кардинал же, напротив, не подошел, а был буквально привезен к воротам на плечах Бранда.

Как и всегда с момента пленения, Амир пребывал в бессознательном состоянии и приходило в другое, по-видимому, не собиравшись, что устраивало повстанцев. Сейчас перед дворцом стояли двое – только Гор и Бранд. Старина Крисс остался с войсками и наблюдал за сценой обмена со стороны.

Через несколько минут, чуть запаздывая к условленному времени, к воротам вышел Юсуф и те же два мушкетера, которые вели Трэйта. Маршал выглядел уже несколько живее, на ногах держался вполне крепко и был уже не в оковах, а просто со связанными веревкой руками.

Гор шагнул к самой кромке силового поля.

– Привет, – сказал Юсуф.

– Привет, давно не виделись, – ухмыльнулся Гордиан.

– Вообще-то, мы никогда не виделись, сударь, – поправил его церковник, – в живую, в вашем собственном теле я вижу вас впервые.

– Мне как повернуться, в профиль или анфас?

– Да никак. Стойте, как стоите. Вы собственно статью ни с какого бока не впечатляете. Мелковаты-с. Просто перестаньте язвить и давайте сюда Его преосвященство.

– Нате, забирайте. – Гор скорчил чуть-чуть обиженную мину и дал знак Бранду. Тот послушно подошел к мирно беседующим противникам и выразил глазами полную готовность сдать свою ношу куда положено.

Юсуф, не торопясь, приложил указательный палец к точке телефона в ухе и проговорил приказ. Силовое поле, невидимое до этого обычному глазу, несколько раз бликнуло и растворилось в воздухе.

– Свободно, – сказал викарий и улыбнулся.

– Отлично, – кивнул Гор и шагнул вперед через невидимую границу.

Руки он держал в карманах, и на каждой был тяжелый кастет с шипами. Чуть присев и немного нагнувшись, он выдал правой классически красивый апперкот прямо в челюсть надоевшему оппоненту. Стремительно – снизу-вверх!

Выполнив короткое, но весьма порадовавшее Гора сальто, Юсуф грохнулся на землю.

Тя-же-ло!

Интересно, жив ли? Мог ведь и дуба дать с непривычки. Наверняка его редко бьют на его работе.

Гор скосил глаз – Бранд уже стоял рядом за границей поля. Великан слегка полуприсел, прикрывшись телом кардинала от возможных выстрелов, но никто не стрелял.

Однако к ним бежали!

Как и следовало в критической ситуации, восприятие Гора резко ускорилося. Движения других людей тормозили, как в замедленном кино, а собственные – замельтешили словно на ускоренной перемотке. Не оборачиваясь, необъяснимым шестым чувством он понял, что силовое поле за его спиной снова активировано, и теперь они отрезаны от своих.

Движение воздуха вокруг тронуло мыслью – вот разворачиваются турели пулеметов, чтобы начать огонь по столпившимся перед воротами сервам-мушкетерам. Вот несется к нему, размахивая оружием, гвардия кардинала, вылетевшая из центрального входа в Пашкот-палас.

ТУМ! ТУМ! Прогремело слева – это Бранд, отбросив Амира в сторону, двумя ударами пудового кулака в таком же, как и у Гора, кастете, вышиб дух из молодцев, что вели Трэйта. Великан одним движением кинжала разрезал маршалу пути, затем, схватив Трэйта и кардинала, отшвырнул их за спину и стиснул кулаки.

Пока все это происходило, сам Гордиан на полном автомате действовал, как и предполагалось по плану. Он схватил викария, затем одним движением кастета разодрал ему кожу на виске и приник дрожащими пальцами к окровавленному шунту.

Нужен контакт! Господи, дай контакт!!!

...И он рухнул вниз. По алмазным линиям из силикона, по нейронным цепям и узлам нервных клеток. Всё дальше и дальше!

Внутри каждого из служащих Корпорации есть секретная кодировка, дающая доступ к управлению системной техникой. Эшвенская церковь являет собой почти точное подобие Нулевого Синтеза в ее полусредневековом варианте, и она наверняка имеет схожую структуру нейропрограммирования.

Викарий – первый после кардинала. Это значит, что если Система не регистрирует сигнал личности кардинала, то викарий для нее вообще первый в иерархии управляющих, даром что раб. Система выполнит любой приказ такого человека или любого другого, знающего его, викария, личный код доступа.

Вот оно! Гор уцепился за длинную ленту двоичных цифр, которыми был записан церковный код Эшвена. Еще секунда, еще...

...Бранд Овальд фыркнул. Подбежавшие к нему гвардейцы со шпагами наголо и числом почти в целую полусотню, по-видимому, станут его последними противниками в этой жизни. Он был в доспехах, но без оружия, два кастета – не в счет. Пора помирать, мастер Овальд, но помирать красиво!

Первый гвардеец был молодец, саданул шпагой с размаху, издав звук, так, чтобы руки с кастетами не достали его голову. Но под одеждой у Бранда скрывался нагрудник, и шпага лишь скользнула по металлу, жалобно скрипнув. В следующее мгновение великан сократил дистанцию и ударом молотобойца разнес кастетом череп резвого гвардейца.

Второй ударил сбоку. Быстро и сильно, как и полагается хорошему рубака. Однако Бранд был не просто хорошим бойцом. Много лет являясь дуэльным чемпионом, он по праву считался лучшим в своем классе и потому с легкостью ускользнул от удара. Затем кастет рассек воздух и превратил нос и скулы нападавшего в кашу из мяса и костей.

– Следующий!!! – прорычал сквозь стиснутые зубы Бранд. – Давай!!!

... А Гор в это время погружался в глубины. Для его ускоренного восприятия время тянулось медленно. И хотя на самом деле счет шел на доли секунд, для Гора время вытянулось в минуты. Он двигался от одного нервного узла к другому, постепенно разматывая нить, ведущую к коду.

Одновременно сознание регистрировало и происходящее вокруг – он видел Бранда, крушащего черепа. Кулак великана с шипастым кастетом плыл в голову очередной жертвы со скоростью ползущей черепахи, и воздух расплескивался перед ними как вода, расходясь волнами и переливами.

Гор видел Крисса, разинувшего рот и, видимо, кричащего что-то надрывным голосом далеко за воротами, за щитом силового поля. Крисс стоял во главе развернувшейся перед дворцом огромной солдатской массы, и замедленные движения его рта складывались в слова.

«Н-н-а-а ш-т-у-у-р-м!» – вскричал габелар. И, повинаясь его команде, железнобокие консидории рванули вперед, вытаскивая на ходу мечи, а стрелки в серых мундирах вскинули к плечам мушкеты. Однако за ровными рядами мушкетеров стояла сила страшнее. Здесь выстроились десятки мортир и кулеврин с задранными вверх стволами. Орудия заранее нацелили на окна и двери первого этажа, на крышу и мансарду дворца, и пушки сервов готовились к дружному залпу. Фитили уже пылали в умелых руках.

А в это же время навстречу рабскому войску разворачивались турели на крыше Пашкот-паласа. Находясь в режиме повышенного восприятия *Тшеди*, Гордиан отчетливо слы-

шал, как на расстоянии сотен метров от него защелкали автоматические предохранители и затворы, вгоняя патроны в стволы.

Со следующим импульсом сердца «ударники» стукнули по запалам, воспламенив порох в патронах, и в пламенном облаке крупнокалиберные пули прыснули наружу. «Смерть сервам!!!» – пел летящий свинец, и Гор понимал, что когда пулеметные очереди коснутся цели, они разнесут в клочья и атакующих сервов, и их артиллерию...

...Но вместе с дворцовыми пулеметами ухнули и рабские пушки. Примитивные круглые чугунные ядра с гневным рычанием вырвались из стволов и устремились навстречу конусовидным крупнокалиберным пулям. Сейчас они коснутся невидимой линии силового поля и опадут кусками оплавленного металла.

Время, казалось, замерло.

В это мгновение Гор наконец-то размотал всю линию до конца. Воля викария спазматически дернулась слабым потоком хаотических мыслей и опала бессмысленным студнем к ногам захватчика. Гор потянулся и взял код!

Есть! Его сознание пронеслось через шунт церковника к АСУ дворца и дальше, пробежав развертку меню, вошло в сектор систем безопасности.

Питание силового поля. Отключение поля. Включение поля. Не то.

Вот – режим силового поля! Развернуть наружу. Развернуть вовнутрь.

Развернуть вовнутрь!

Виртуальный тумблер кликнул, и фиолетовая пленка вокруг дворца на мгновение стала видимой, подернулась мелкой рябью и вновь исчезла из спектра человеческих глаз.

И тут же вспыхнула тысячью ярчайших всполохов. То врезались в энергетическую стену пулеметные очереди! Врезались и опали на землю обожженными горошинами свинца.

Но не так произошло с ядрами. Снаряды примитивных чугунных пушек разом прошли сквозь блистающую границу, просвистев над головами сражающегося Бранда и Гордиана с викарием, валявшихся на земле, и устремились к дворцу, разрушительным тараном круша чудесные арки, колонны, портики, анфилады и стены, покрытые филигранной лепкой. Чарующая красота фасада подернулась клубами пыли и пламени, и стены рухнули, обнажая внутренности великого строения.

В следующее мгновение атакующая волна консидориев ворвалась в ворота. Железнодорожные пантеры в полном доспехе и с тяжелыми мечами разметали бездоспешных храмовых гвардейцев, как промчавшийся по дороге скакун разгоняет куриц. Мечи замелькали быстрее, быстрее – и Гор понял, что выходит из ускоренного режима.

Сил не осталось.

За скорость, с которой его мысли неслись несколько прошлых мгновений, сейчас приходилось расплачиваться сполна. Он моргнул, покидая нервную систему викария, а вместе с ней и АСУ разрушенного залпом Пашкот-паласа. Темный занавес появился из ниоткуда и накрыл его с головой.

Вокруг расцвела тьма...

Глава 5

Черный юмор господина Викария

В помещении штаба гвардии, где еще совсем недавно проводили собрания Доминик Бавен и Оттон Силломарский, теперь заседали сервы.

Трэйт, одетый в серый мундир без знаков различия, Бранд, Крисс, Дакер, Сардан и прочие старшие офицеры, оставшиеся в живых после шернской баталии, рионской резни и битвы за Бургос.

Гор лежал здесь же, развалившись в кресле с закрытыми глазами. Сознание его блуждало внутри викария, который со скованными руками сидел в центре зала на стуле со спинкой. Пальцы церковника дернулись, сжались в кулаки, затем разжались.

Гордиан открыл глаза, и вслед за ним поднял веки и викарий – оба снова стали сами собой.

– Ну? – чуть ли не шепотом спросил Бранд.

– Что «ну»? – ответил Гор и потер надбровные дуги.

«Вот ведь странно, – подумал он, – во время проникновения глаза закрыты, но именно они устают больше всего». Видимо, при виртуальных путешествиях сильно напрягается глазной нерв, ведь получаемая информация в основном зрительная, а не какая-то иная.

Гордиан помассировал глазные яблоки еще несколько секунд, затем устало оглядел товарищей.

– В общем ситуация такова, – сообщил он. – Викарий, конечно, крутой перец в местной иерархии, однако его волеизъявления недостаточно, чтобы снять ошейники с сервов Эшвена. Так что тут он не врал: для повсеместного отключения «хомутов» требуется код кардинала Амира. Более того, даже если Амир решит освободить сервов, он сможет это сделать только в пределах своей епархии – то есть в Артоше, Артоне, Аране и, разумеется, Боссоне, который и так нами очищен от ошейников почти полностью. Для снятия койнов в других частях королевства требуются коды других кардиналов соответствующих епархий.

– Ну так в чем же дело? – спросил уже Трэйт. – Хреново, конечно, что Антика, Валькрика и Хайран с Ветой останутся в ошейниках. Но четыре эшвенских марки – это уже хорошо. Надо снимать, и скорее!

– Все не так просто, – вздохнул Гордиан. – После пленения викария и разгрома нами Пашкот-паласа его шунт, – он кивнул на церковника, – как и шунт Амира, отключен от основной храмовой системы. Отдать команду на снятие хомутов и ввести код кардинала, подтверждающий ее, можно только из какого-нибудь храма. А это, как вам известно, невозможно, поскольку храмы Хепри защищены силовыми полями. Проникнуть туда мы не можем. Я мог бы снять защиту храма, войдя через шунт какого-нибудь высокопоставленного чиновника типа нашего викария, но полагаю, второй раз церковь на подобную тупую уловку не поддается, и высокопоставленные чиновники будут разговаривать с нами только через активированное силовое поле. Если они вообще станут разговаривать.

Гордиан помолчал.

– Эх, – продолжил он наконец, – вчера была такая возможность! Если бы я не потерял сознание после переориентации силового поля, я смог бы, пожалуй, вырубить и расстегнуть все хомуты в Эшвене. Нужно было только покопаться в их системе контроля. Ведь код кардинала мне известен, а шунт викария тогда еще не отключился от спутниковой связи. Но, увы, мы имеем то, что имеем...

Он вздохнул, открыл рот, чтобы продолжить пояснения, но его перебил Крисс. Бравый габелар хлопнул ладонями по коленям и решительно встал.

– Ладно, – жестко сказал он, – нельзя так нельзя. Давайте кончать обоих – и Амира, и этого Юсуфа, и будем готовиться к выступлению.

У Гора, однако, возникла иная мысль, и он протестующе поднял руку:

– Полагаю, у нас есть еще одна-единственная возможность отключить ошейники жителей Эшвена... – Гор сделал паузу. – Это его свобода!

Он указал на сжавшегося на стуле викария.

Али Юсуф затравленно поднял глаза на своих пленителей.

– Что вы имеете в виду, сударь? – спросил он тихим голосом, возможно, потому что был сильно подавлен фактом пленения, а возможно, потому, что сломанная Гором челюсть давала о себе знать.

– То, что и говорю, мастер Юсуф, – ответил Гордиан. – Наша сделка, заключенная у дворцовых ворот, не отменена. Напротив, ее исполнение продолжается. Я лишь предлагаю скорректировать условия в силу известных вам обстоятельств, а именно вашего плена и разгрома ваших гвардейцев. Меняем по-прежнему – одно на другое: Его высокопреосвященство и вас на свободу для всех сервов Эшвена. Могу добавить к этому еще всех пленных гвардейцев и вообще всех королевских солдат, которых мы взяли в Бургосе. Соглашайтесь – это неплохие условия, тем более что альтернатива им – ваша смерть.

– Вы сошли с ума, – хрипло и как-то излишне поспешно проговорил викарий, – церковь не примет таких условий. Ни один из моих починенных, а тем более ни один из кардиналов других епархий не поверит вам и не согласится. Ведь вы только что нас обманули, сорвав предыдущее соглашение!

– Возможно, – согласился Гордиан, – мы действительно не были с вами абсолютно честны в смысле соблюдения предыдущей договоренности, однако согласитесь, силовое поле и турели давали вам слишком большое преимущество и... слишком большой соблазн, чтобы обмануть нас. Так что, без обид. Да, я согласен, после подобного обмана ни один церковнослужитель не захочет вступать со мною в переговоры. Но ведь вы сами, Юсуф, вы лично, поверите и согласитесь, не так ли?

Викарий молча проглотил слюну, а Гордиан продолжил:

– Я предлагаю следующее. Мы отпускаем вас на свободу. Я сообщая вам код кардинала. Вы возвращаетесь в ближайший храм Хепри. Пока нет кардинала, вы старший в иерархии, и, как только вы вернетесь, власть и полномочия снова станут принадлежать вам. После этого вы с помощью кода отключаете всех, вы слышите, всех сервов Эшвена, которых сможете отпустить, имея кардинальский доступ. После этого мы отдаем вам Амира. Допустим, бросаем его перед тем же храмом на недоступном для ваших орудий расстоянии и отъезжаем. Сделка совершена!

– А где гарантии, что вы вернете Его преосвященство после того, как я отключу ошейники?

– Да, таких гарантий у вас нет, но есть логика. Мне незачем убивать Амира, если рабские ошейники будут сняты. Амир не один – в церкви есть еще с десятков кардиналов. Убью одного – останутся другие, и возможность для переговоров с вами будет утрачена. В общем, я даю вам свое слово, но главное не в этом. Подумайте, мастер Юсуф, даже если мы не отдадим вам кардинала, вы-то, Юсуф, вы лично, останетесь живы. Разве это – не предмет для сделки?

Викарий задумался. Он сопел и потирал скованными руками вспотевший лоб.

– Согласен, – сказал он наконец.

– Прекрасно! – И Гор протянул церковнику ладонь для рукопожатия.

* * *

Четыре тысячи мушкетеров залегли почти в километре от храма, затерявшись в траве и кустах. Вместе с бойцами в простом солдатском мундире валялся в кустах и Гор.

Конники Крисса с заводными лошадьми и артиллерией стояли чуть поодаль за небольшой высоткой, готовые поддержать стрелков как лихим кавалерийским налетом, так артиллерийской пальбой навесом.

Бранд вместе с полусотней консидориев, напротив, был впереди, у самой границы выжженного перед храмом черного круга. По черному кругу, быстро-быстро мельтеша ногами, к храму бежал викарий. Бежал неуклюже, если не сказать неумело, смешно подпрыгивая и спотыкаясь, что при его благолепном облике смотрелось довольно комично. Но Гору было не до смеха – он грыз травинку и думал о предстоящем исполнении сделки.

Перед расставанием викарий оставил ему маленький сверток, сказав, что там находится устройство для связи. В надушенном духами платке оказался обычный мобильный телефон, тот самый, который был на Юсуфе перед воротами Пашкот-паласа, когда Гор врезал ему кастетом. Впрочем, «мобильником» в полном смысле слова предмет не являлся. Скорее, это была гарнитура, совмещенная с телефоном. Маленькая пластмассовая штучка с усиками, легко разделяющаяся на две части. Одна из этих частей с помощью тонких усиков телесного цвета закреплялась внутри ушной раковины, а вторая теми же усиками фиксировалась на зубе внутри ротовой полости. Совершенно не видно и практически не ощутимо для носителя, если немного привыкнуть.

Гордиан чуть нажал на защелку, и устройство распалось на два кусочка. Первый – белого, а второй – телесного цвета. Ну, понятно. Белую часть он засунул за правый клык в нижней челюсти. Сжал, надавив на кнопку. Микроусики вылезли из корпуса и оплели его зуб, плотно прижав микрофон к десне и зубной эмали. Вторую часть телефона Гор вставил в ушное отверстие. После нажатия усики так же самостоятельно оплели ухо тонкой линией.

Фехтовальщик поклацал зубами, поковырял пальцем в ухе – вроде ничего: не мешает и почти не чувствуется. Сам телефон издавал слабый, еле слышный зуммер с периодичностью раз в три секунды. Значит, он в зоне приема.

Из прошлого опыта, накопленного за год кровавой войны, Гордиан знал, что шунты шательенов и церковнослужителей, использующие нуль-передачу, поддерживают связь с храмовой системой постоянно и в любом месте планеты, что, собственно, и обеспечивало им возможность гарантированного воскрешения в случае смерти. Однако ни шательены, ни рядовые храмовые служащие не могли использовать шунты для телефонных переговоров. Видимо, поэтому викарий и использовал мобильник перед воротами Пашкот-паласа для связи со своими бойцами, имеющими шунт, но не имеющими возможности общаться через него.

Телефон в отличие от шунтов работал на ином принципе – на радиоволнах, а потому использоваться мог лишь в определенных зонах – обычно в радиусе нескольких километров вокруг храмов или, как в случае викария, в пределах дворцового парка Пашкот-паласа.

Интересно, можно ли через мобильник войти в контакт с храмовой системой? Наверняка нет, иначе викарий просто не отдал бы ему это устройство. Но проверить нужно. Гордиан напрягся и вогнал сознание внутрь аппарата. Порылся тут, порылся там, пробежал по программам.

Функция связи с системой в телефоне присутствовала, но действовала она, по-видимому, только в непосредственной близости от источника сигнала и то, если сигнал не экранировался. Источники сигнала системы находились внутри храмов, а стены этих замечательных заведений надежно защищали их от прослушки.

Гор прекратил свои попытки и аккуратно «вышел» из телефона. Он даже не расстроился: этого и следовало ожидать, Юсуф ведь не идиот. Итак, игрушка годится только для телефонных переговоров, и то не везде. Но как вызывать абонента, как набирать номер? Из прошлой жизни Гордиан помнил, что к таким телефонам-гарнитурам должен прилагаться наручный браслет с клавиатурой для набора номера, а если ее не имелось под рукой, то абонента следовало вызвать голосом, предварительно произнося голосовой пароль.

Гордиан, разумеется, пароля не знал, да и браслета с клавиатурой ему не выдали. Это значит, возможность связи у них односторонняя: ответить на вызов он может, но вызвать сам – нет. Оставалось ждать.

К счастью, ждать пришлось недолго – уже через полчаса телефон зазвонил. Точнее, запищал внутри уха очень громко для Гора и почти не слышно для окружающих.

– Да? – сказал бывший бог, удивляясь сам себе. Все-таки за два года он в первый раз говорил по телефону.

– Все сделано, – прозвучал в ухе немного искаженный голос викария, – как и договорились. Ошейники отключены, замки раскрыты.

– Странно, я ничего не чувствую.

– А должен? Хомуты – не та аппаратура, чтобы вы чувствовали ее отключение, не напрягаясь специально. Она слишком примитивная.

– И как мне это проверить?

– Бог мой, да как хотите, сударь. Поезжайте в свой Бургос и посмотрите там. Потом оставите Амира возле любого из храмов Хепри, а я его заберу. Твои сервы свободны, Фехтовальщик, можешь плясать от радости.

– Я-то спляшу, а вот ты что-то не слишком о Его высокопреосвященстве беспокоишься. Я ведь уже получил, что хотел, а если я сейчас прирежу твоего кардинала к чертям собачьим?

– Это дело ваше, сударь, ведь я лично жив! Если честно, Амир – страшная сволочь, хотя я и обязан ему карьерой. Так что хочешь резать – режь его, но я буду расстроен.

– И только?

– И только!

– Понятно. Тогда дай мне дня три, я проверю Бургос и окрестности. Если сервы действительно на свободе, Амира привезу сюда же на четвертый день. Идет?

– Конечно.

– Ну бывай, мастер Юсуф. Даст бог, свидимся.

Гор поднялся из травы и оправил мундир. Потом сунул два пальца в рот и свистнул что есть мочи, созывая бойцов.

– В Бургос! – заорал он. – Дело сделано!

* * *

За следующие два дня Гордиан облетел окрестности города и успел воочию убедиться, что многочисленное население Южного Артоша на самом деле лишилось своих «хомутов». По крайней мере, в шато и виллах, которые его отряд успел объехать за это время, проклятые ошейники более не функционировали, и их бывшие владельцы с удивлением встречали Апостола восставших, показывая расстегнувшиеся койны и пораженные тем, что чудовищные электронные изделия перестают работать при одном только приближении их любимого Тринадцатого пророка. Ждать донесений из дальних регионов Эшвена не было смысла: на это ушло бы несколько месяцев, так что последний третий день, оставшийся Гору по уговору с викарием, был потрачен на поездку обратно к храму под Бургосом, где Амир наконец был возвращен в лоно церкви, а договор между восставшими сервами и секретарем кардинала оказался, таким образом, исполнен...

Оставалось воспользоваться последним плодом их «сделки». Сделки, в которой, прямо скажем, сервы не показали себя образцом честности. Но совестью Гор особо не мучался: на войне, говорят, как на войне. Результат заключенного с викарием соглашения, быть может, и не решал всех проблем, стоящих перед восставшими, но все же значительно превышал надежды, питавшие мужество сервов в начале артошской кампании. Миллионы рабов получили свободу, в руках Трэйта оказался весь гигантский Эшвенский континент, а в руках армии восставших – четыре аппарата для производства любых материальных предметов, включая мушкеты и кулеврины. Получить такое сокровище всего лишь за жизнь одного церковного ублюдка являлось, по мнению Гора, больше чем удачей.

Однако кроме него из всего высшего командования восставших проверять аппараты синтеза было некому. Надлежащими техническими знаниями здесь обладал только сам Тринадцатый пророк.

Поэтому вечером того же дня, даже не сменив с дороги пыльный мундир, создатель Тринадцатимирья, демиург Гордиан Оливиан Рэкс, вошел в просторный и пустующий зал – технический подвал Пашкот-паласа. Именно здесь для сделки с сервами Юсуф демонтировал в день памятного соглашения аппараты для производства промышленной продукции.

Сейчас все четыре агрегата, напоминавшие, скорее, металлические «гробы», чем продвинутые машины будущего, стояли на прежнем месте. Благодаря виртуальному вмешательству Гора в систему Пашкот-паласа, дворец сейчас был отрезан от основной храмовой сети, силовое поле вокруг строения отключено, информационная связь потеряна, а свет в анфиладах погас. Однако аварийный генератор под фундаментом дворца работал исправно. Поэтому в свете неоновых ламп на потолке подвала четыре синтетических аппарата тихо гудели, все своим видом изображая готовность к «труду и обороне» Республики.

В мире Гордиана аппараты синтеза обычно выглядели по-другому – не в смысле дизайна, а по габаритам: для промышленного производства подобный размер не годился. В мире Нуль-Корпорации продукция обычно синтезировалась целыми контейнерами, годными к немедленной транспортировке, погрузке на космические лихтеровозы или на составы монорельсовых дорог.

Вообще, подвал Пашкот-паласа при своих приличных размерах не походил на помещение для промышленного синтеза. Даже те же двери, ведущие сюда, были хоть и широкие, но ни для прохода автопогрузчиков, ни для проезда крупнотоннажных грузовиков не годились. В лучшем случае в них могла проехать телега.

Вдоль стен стояли стеллажи, заваленные полиэтиленовыми упаковками с какими-то непонятными небольшими предметами черного цвета. Гор ковырнул одну из пачек ногтем, посмотрел, что внутри. Аккуратными стопочками под пленкой лежали деревянные рамки для фотографий. Насколько ему было известно, фотосъемка в Эшвене широко не использовалась. Фотографировали только специалисты храмов, услуга эта стоила довольно дорого, а потому заказывалась редко – на свадьбах, на юбилеях, а также для памятников, устанавливаемых на кладбищах во время похорон. Твердый Космос хоть и напоминал собой Корпорацию, но все же местные обитатели не были бессмертными поголовно, и неудачники, не сумевшие заработать себе на Хеб-сед королевской службой или титулом шательена, здесь умирали от старости, так же как и в доисторических «естественных» вселенных.

Гордиан покачал головой. «Синтезаторы в форме гробов, рамочки для фотографий на кладбище... – подумал он. – Мрачно-то как!»

Два таргитария из числа наиболее опытных боссонских специалистов суетились вокруг машин, и Фехтовальщик, подойдя поближе, обратился к техникам:

– Здорово, бойцы. Как дела? – Он кивнул на аппаратуру.

– Да нормально вроде. Вот подключили. Гудят...

«Гудят! – покачал головой демиург. – Кузнецы, вашу мать!»

– А синтезировать что-нибудь пробовали?

– А то! – обиделся таргитарий. – Конечно! У нас, кстати, для вас подарок, сударь. Вчера копались тут в комнатах, весь подвал прошли, пока точку для подключения отыскали. И схрон обнаружили. Показать?

Гордиан кивнул: конечно, показать!

Они прошли через несколько комнат со сводчатыми потолками, одинаковых как близнецы-сестры. Стены были тяжелыми и мрачными, из хорошего бетона и покрыты известкой. В последней комнате, закончившейся тупиком, во фронтальной стене имелаась дверь. Массивная, с металлическим «штурвалом» посередине.

Сомнений не оставалось – перед ним был сейф.

«Схрон» уже развортили: в силу полного отсутствия в арсенале кузнецов-таргитариев автогена дверь примитивно вывернули ломami и кувалдами.

Гор покачал головой. «Это сколько сил надобно, чтоб такую дуру свернуть? – прикинул он, посмотрев на свои тонкие руки, – Звери, а не люди».

Тем временем один из таргитариев услужливо отодвинул срезанную стальную пластину и показал внутрь рукой. Внутри лежала всякая мелочевка, какие-то документы, но вот на верхней полке за скромной и тоже уже вывороченной стальной дверцей покоился чемодан.

А на чемодане – обычный космический шлем из бронепластика. «Обычный» космический шлем от военного скафандра!

Гор с восторгом покачал головой.

– Вы не поверите, сударь, – тут же заявил таргитарий, – но там, в чемодане, священный доспех Господа Хепри. Трэйт, когда увидел, сказал, что именно в нем пятьсот лет назад тот водил свое воинство. Герб на шлеме и нагрудных пластинах вполне узнаваем – «Сгорающий Дракон», представляете? А еще Трэйт сказал, что эта вещь теперь ваша, коль скоро вы, сударь, наш Пророк и Апостол. Чтобы вы побереглись!

Гордиан крикнул и пожал плечами. находка, конечно, порадовала его, однако личная неуязвимость в данный момент волновала его гораздо меньше кое-чего другого...

Он молча кивнул, вытащил из сейфа чемоданчик, подхватил под мышку шлем, развернулся и быстрым шагом двинулся обратно по коридору. Он посмотрит на это «божественное» добро потом. В принципе, подумал Гор, отлично, что нашли доспех, он, конечно, пригодится в рейде за Лисией, да и вообще... Но сейчас ему нужно было главное – плоды сделки, которая решила судьбу Эшвенского континента: аппараты для синтеза материи!

Ядра, картечь и мушкетеры, мука для хлеба – то, в чем нуждалась Республика, а не только он сам.

– Спасибо маршалу, – сказал Гор на ходу, – поблагодарю его потом лично. Спасибо и вам, друзья, однако вернемся к «гудящим» машинам. Значит, пробовали синтезировать?

– Я ж говорю!

– Значит, работает?

– Работает.

– Замечательно, – обрадовался Гордиан и чуть ли не потер в предвкушении руки, но они были заняты скафандром, – тогда вот первый заказ. На шестифунтовые кулеврины – две тысячи ядер, это обеспечит нужды оборонительной линии Бургоса, и на двенадцатифунтовки – как минимум сотни полторы. До утра сделаем? Я вам своих бойцов пришлю на подмогу, для погрузо-разгрузочных работ и так, на подхват. Крисс, кстати, обещал мне тягловых лошадей. Сейчас отправлю к нему вестового и...

Таргитарий остановился.

– Не-а, сударь, – пробурчал он.

Гор тоже встал и прищурился.

– Что значит «не-а»?

– Не получится.

– В смысле? Аппаратура ведь пашет?

– Пашет.

– Тогда в чем дело?

– Пашет-то она пашет, да вот только делает лишь одно. Вот – поглядите.

Только сейчас Гор обратил внимание на то, что в первой комнате, где разместились аппараты синтеза, лежали только упаковки с похоронными рамками – и более ничего. Если помещение использовалось кардиналом под склад, то складировать изделия, по идее, нужно было во всех комнатах, и изделия самые разные...

Гор проглотил комок. Странное открытие, если оно верно, Армия Свободы перенесет большее, чем даже пленение Трэйта.

Он поставил на пол чемодан с «божественным» космическим шлемом и нервно ткнул пальцем в стеллажи:

– Я правильно понял, мы говорим об этом? Аппараты работают, но делают только черные рамочки?

– Да, сударь.

Гор бросился к машинам синтеза. Пробежался по клавишам управления, вошел в меню. Внутри, в длинном стандартном списке электронных матриц, по которым машина производила требуемые предметы, стояло только одно наименование: «Рамка деревянная траурная / матрица разработана королевским комбинатом бытовых и ритуальных изделий / лицензия № ... / по вопросам приобретения права на синтезирование обращаться / адрес / почтовые реквизиты / авторское право производителя матрицы зарегистрировано».

Вот дерьмо!

Гордиан покачал головой. Остальные матрицы были стерты. Это значило, что ни его способности *Тшеди*, ни самый лучший электронщик или настройщик синтетических машин в мире тут не помогут.

Машины исправны. Они работают. Просто нет файлов, по которым они могли бы синтезировать дубликаты.

Кроме одного...

Ах, какое чувство юмора у господина викария – «черное», в прямом смысле слова.

Храмовник, собака, все же надул его.

Сделка лжецов – совершилась!

Глава 6

Призраки победы

Вот так, неожиданно для большинства жителей королевства, миллионы сервов стали свободны от гнета рабовладельцев. Судьба всех рабов в четырех великих марках – Артоше, Артоне, Аране и Боссонском крае, а значит, почти на всем громадном Эшвенском континенте, оказалась решена за несколько секунд простой электронной командой и коротким разговором по мобильному телефону.

Пятнадцатого дня месяца Мехир, в тот самый момент, когда Гор еще цеплял мобильный телефон на ухо, лежа в траве, викарий кардинала Юсуф вошел в храм, поднялся в центр коммуникаций и ввел переданный ему Фехтовальщиком код.

Двести восемьдесят миллионов человек – а ровно столько сервов плюс минус сто—двести тысяч проживало в Эшвене в этот миг – почувствовали странное жжение на шее в месте, где привычно стискивал горло неснимаемый храмовый ошейник. Сто сорок третий Невон, как известно, был миром-каверной, а потому Медиас Кордис одинаково яростно освещал все уголки его поверхности днем и одинаково не светил здесь ночью. А значит, в миг, когда это случилось, по всем городам и весям царил солнечный полдень и никто из сервов не спал, за редким исключением.

Двести восемьдесят миллионов «хомутов» мигнули цветными огоньками на панели управления, а затем с коротким щелчком раскрыли свои замки и пали на землю. С короткой вспышкой внутри блока питания двести восемьдесят миллионов дьявольских устройств испустили дух, превратившись в куски бесполезного металла.

На следующие несколько мгновений всякое движение на континенте замерло. Люди, которые шли, встали как вкопанные. Сидящие – застыли статуями. Те же, кому довелось в это мгновение бежать или ехать верхом, споткнулись или натянули поводья скакунов. И так же замерли, глядя на невиданное явление – двести восемьдесят миллионов электронных ошейников, упавших на землю.

Двести восемьдесят миллионов пар глаз смотрели на это фантастическое зрелище почти несколько секунд, а затем, когда восприятие достигло уровня осознания, они разразились невиданным в истории планеты криком радости, подпрыгнув вверх и потрясая кулаками.

Двести восемьдесят миллионов сервских глоток, воскликнув одновременно, сотрясли древние горы Эшвена, пронеслись отголосками по его бескрайним полям, разворошили листья в бесчисленных лесах и дубравах.

Секунды бездействия кончились! Сервы понеслись к своим домам и баракам, к школам, к поместьям, мануфактурам, виллам и торговым домам.

Сервы бежали к лачугам подсобных рабочих и к коттеджам виликов, квартирам наложниц и казармам габеларов.

Сервы брались за оружие, брались за факелы, за вилы, за молотки, за все, что попадалось под руки. Тысячелетняя ненависть вырвалась на свободу! И запылали дворцы шательенов. И дворянские семьи тысячами выставлялись вдоль дорог на деревьях и придорожных столбах.

В петле. На крючьях. На колах. И тем, кто висел, – повезло, ибо большинство шательенов разрывалось на мелкие клочья прямо на месте сотнями ненавидящих рук, затаптывалось ногами, перемалывалось кирками, ломами, ножницами и кухонными тесачами.

Великолепная, блистательная Госпожа Свобода шла по Эшвенскому континенту от марки к марке, пряча свое прекрасное лицо за маской из крови, в одежде из кожи трупов!

А навстречу ей из Бургоса и из Бронвены, из Риона и из Кербуля спешили роты и полки Армии Равных. Ехали эмиссары партии, чтобы нести слово Бронвенского Совета в освобожденные земли Эшвена.

И, как вихрь, впереди солдатских рядов из уст в уста летела легенда о Фехтовальшике, пленившем кардинала и обменявшем его жизнь и свободу на свободу и жизнь для миллионов рабов. Потому бойцов армии под синим знаменем Фехтовальщика везде встречали с ликованием, открывая для них только что отобранные у шательенов погреба и винохранилища.

О сопротивлении властей не могло быть и речи. Во всех землях королевства рабы составляли настолько преобладающую массу населения, что местные сенешали могли выставить едва ли одного солдата против тысячи безоружных, но бешеных сервов. По этому поводу Гор часто задумывался – почему в Кербуле, где они начали собирать свою армию, большинство освобожденных рабов убегали на север, в лучшем случае – оставались дома, а не вступали в ряды бойцов за Свободу? Здесь же все, как один, бросались жечь дома, убивать господ и штурмовать королевские казармы. Ответ был прост: в Кербуле каждый освобожденный им серв решал сам – сражаться или бежать. Здесь же рабов освободили разом – и всё решала толпа. Они разом кинулись убивать, тут нельзя было отказаться.

Ненависть захлестнула несчастный мир! В Босоне сервы также не любили своих виликов, однако именно вилики показали боссонцам путь к свободе и получили право быть лидерами движения. А здесь свобода пришла сама. Рядовой серв ничем в этом смысле не был обязан своему начальнику, и ненависть, копившаяся годами, нашла свой выход. В худшем случае виликов убивали вместе с шательенами, а в лучшем – оставляли в живых, но ни о какой передаче власти бывшим рабским управляющим речь конечно же не шла.

Как бы там ни было, бешеная энергия, с которой освобожденные массы сервов совершенно неорганизованно, но необычайно эффективно принялись крушить и топтать королевские государственные институты, полицию и армию, почту и связь, да и вообще любого, кто не был сервом, сыграла только на руку Армии Свободы. Уже к пятнадцатому дню месяца Фармутин, то есть спустя всего месяц после сделки с викарием, почти все марки Эшвена в той или иной степени перешли под контроль Бронвенского Совета. Продвижение армии ограничивалось только скоростью перемещения пехотных колонн по грунтовым дорогам – и ничем более.

На северо-западе, в Аране, полки дошли до Гандеры. В Тысячеградье – до Ибиса. Артош же был занят полностью, за исключением лишь удаленных южных провинций у самого побережья, где еще вдоль каботажной линии сновали королевские военные суда. Казалось, сама Богиня Победы шествует рука об руку со Свободой по землям рабов, а королевство Бориноса вот-вот рухнет к ногам сервской армии...

Но так лишь казалось.

Черные туши храмов, защищенные силовыми полями, возвышались у дорог, по которым маршировали рабы. Гордиан понимал, что это – порталы в иные миры, а знания, почерпнутые им из местных книг, косвенно свидетельствовали, что Эшвен являлся далеко не единственной вывернутой наизнанку планетой в пространстве Твердого Космоса. Не знал Гор только того, что король Боринос являлся так же и правителем этих иных миров И повсюду в других мирах, в колониях и протекторатах вселенского королевства собирались полки и дивизии, готовые выступить против сервов по мановению длани своего безумного повелителя.

И за пределами континента, давшего имя целой вселенной, закрывшись в своем дворце, Единый король вынашивал планы мести.

Спустя всего лишь месяц после освобождения сервов Эшвена от соглядатаев с юга пришло сообщение, что Его величество король Боринос, набрав новые армии в Антике, Валькрике, Вете, Хотторе, Карракасе и Хайране, готовится к вторжению в Эшвен.

Сам по себе этот факт не вызывал больших опасений руководства повстанцев, так как все знали, что сколотить серьезную боевую силу, превосходящую численность Армии Свободы, в других землях не получится – там просто не хватит солдат. Но разведчики доложили, будто бы Боринос не начинает вторжение только потому, что ждет подкрепления, которое должно прийти через храмы Хепри – судя по всему, из других миров. И что это за подкрепление, какова его сила и численность, никто даже не догадывался.

Призрак победы, покружив над Армией Свободы, помахал ей ручкой и исчез в облаках, предоставив сервов самим себе.

Война продолжалась, и никто не мог сейчас, как и в самом начале, предсказать ее кровавый итог.

Часть вторая

Демократия в действии

Глава 1

Лисия из Лавзеи

Выпав в полный шпагат, Гордиан Рэкс схватился пальцами за стопу правой ноги и с наслаждением застыл на несколько долгих секунд. Затем выпрямился, встал, как можно выше поднялся на носки и потянулся обеими руками вверх. Хрупкие кости его новой юной оболочки с наслаждением хрустнули, растягивая затекшие за ночь сухожилия, а мускулы сладостно застонали. В его старом модифицированном теле искусственного божества такого бы не случилось, отстраненно подумал Гор. Та, старая плоть не затекала ото сна и не болела после утомительных тренировок... Да что там! Раньше Гор мог бы вообще не спать неделями и месяцами, не есть, не пить и чуть ли не растерять ладонями камни в пыль.

Но прошлое ушло безвозвратно... Семнадцатилетняя и совершенно обычная, человеческая и не модифицированная, оболочка тщедушного узкоплечего, а главное – смертного юноши, которую ныне Его божественность изволил занимать по чьей-то подлой прихоти, не походила на его прежнее «божественное» тело. В лучшем случае она годилась на украшение анатомического музея в качестве экспоната для демонстрации слабой подростковой мускулатуры.

Впрочем, в данный момент, худоба беспокоила бывшего создателя кластеров совсем не значительно. Более того, став подростком, экс-господь приобрел то, чего не имел во времена, когда являлся мощным высоким мужчиной, – гибкую подвижность, легкость, стремительность движений и невероятную растяжку юного тела. Как бы демонстрируя ее самому себе, Гор еще раз неспешно выпал в шпагат, затем без рук собрал себя в позу лотоса, перевернулся, встал на руки и несколько раз отжался, разгоняя таким образом кровь и заставляя работать суставы.

Размявшись, экс-демиург направился в гардероб. По странной иронии судьбы, став аж полковником Армии Свободы, он отхватил не только офицерский патент, но и шикарные апартаменты гвардейского колонеля в старых бургосских казармах, где ныне, согласно эдикту маршала Трэйта, размещался его стрелковый корпус. Ирония состояла в том, что ему – пятнадцатилетнему щенку – долго отказывали в этой должности вследствие «нежного» возраста, притом что истинный возраст бессмертного, узнай они о нем, просто шокировал бы местных вояк.

В апартаментах имелся не только гардероб, но и даже фаянсовый клозет, правда, с ведром вместо системы канализации. Впрочем, после рабских бараков Гордиан был весьма рад и такому проявлению цивилизации.

После неудачного (или, напротив, удачного?) покушения, произошедшего два года назад в родном, собственноручно сотворенном кластере Тринадцатимирья, внутри накопилось много недоброго и злого, играющего бликами тьмы на выжженной ненавистью душе, и потому Гордиан Рэкс старался не раздражаться по пустякам. Любые бытовые мелочи, по мнению павшего демиурга, являлись таковыми по определению. Что же касается тьмы...

Убийство за последние два года стало его ремеслом более чем когда-либо раньше, лица поверженных людей смешались в неистовый головокружительный хоровод – и он уже не запоминал их, просто отщелкивал что-то в своей голове: вот еще один, вот еще... От шизо-

френии и потери человечности бывшего создателя карманных вселенных спасала только слепая вера – все эти люди являлись врагами сервов, и по-другому поступать было нельзя...

Гордиан торопился. Утро только зарделось нежными красками, однако дел на сегодня у Гора было достаточно много. Он быстро оделся, обулся, нацепил оружие и уже собрался выйти из комнаты, когда увидел свое отражение в начищенном до блеска бронзовом зеркале.

Увидел – и поморщился. Молодой человек, отразившийся в металлическом полотне, не поразил бы воображения дам, а уж тем более – воображение дационов, муштрующих бойцов. Сублильный мелковатый подросток – вот и все слова, которые приходили на ум при взгляде на отражение. Наивное, почти детское выражение на некрасивом лице, мягкий подбородок, неправильные черты, криво обрезанные рыжеватые волосы, спадающие на лоб из-под полковничьей шляпы. Чуть подправляли общее неказистое впечатление лишь глаза, стреляющие из-под тонких юношеских бровей всей тяжестью скрытых за ними столетий, а также военная форма и оружие мушкетера, которым в противовес к своим «смертным» недостаткам бывший Господь увешался по самое горло.

Длинная шпага на перевязи, кинжал на поясе, два пистолета, сверкающие полированными рукоятками, на животе. «Вояка, – самокритично подумал он, – гроза полей!» Еще бы росточка побольше, и цены бы не было герою. Однако с последним моментом имелись некоторые проблемы: рост, как известно, из кобуры не достанешь.

Гор тихо ругнулся. Детская рожа в сочетании с массой вооружения создавали глупейшее впечатление. Он показал своему отражению оскал кривых зубов, развел пошире узкие плечи, вышел на улицу и быстрым шагом направился в сторону центра города, к месту, добраться до которого давно уже мечтал, ибо только там он мог хоть что-то узнать о судьбе своей возлюбленной. Ноги в высоких ботфортах застучали подкованными каблуками по каменной брусчатке, и мысли в голове павшего божества поплыли вместе с длинной лентой мостовой...

Вопреки собственным прагматическим убеждениям, полным как трезвой иронии, так и откровенного цинизма, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс всегда был убежденным бабником и к женщинам относился потребительски. С его возможностями владельца целого мира и биллионами кредо на банковских счетах, он вполне мог себе это позволить. В его гаремах томились не тысячи – десятки тысяч наложниц, по сотне на каждый день. Многих из них он не видел и не познал ни разу за долгие десятилетия своей псевдобожественности. А многих – ни разу и не увидел бы, настолько велико было их число. Могущество Нуль-Корпорации гарантировало ее акционерам (а именно акционеры «Нулевого Синтеза» становились владельцами собственных кластеров) беспредельную власть в границах своих владений. Он мог не только спать, он мог убить или искалечить любую из своих женщин!

Воспоминания окатили его холодной волной. Гор вздрогнул и прикрыл глаза, как будто бы отгоняя внезапное наваждение.

Лисия... Пред его взором возникло женское лицо, самое прекрасное из всех, которые ему когда-либо доводилось видеть. Когда-то, не имея стеснения ни в средствах, ни в могуществе, Гордиан Рэкс брал в гарем и в постель только самых лучших, точеных женщин. Их тела были безупречны, наряды фантастичны, а лица – невообразимо прекрасны. Им не требовалось пользоваться косметикой: помада, тени, тушь вводились в пигментацию кожи, длина ресниц, фигура и ноги программировались генетически еще до рождения. Да что там говорить, о Иешуа! Наложницы в мирах Нуля даже не полнели от избытка калорий и не старели от прожитых лет. Их волосы вырастали всегда до определенной длины и имели цвет по усмотрению покупателя. То было искусственное совершенство искусственных вселенных!

Под заказ – и в любой комплектации!

Девушка, которую он встретил на просторах этого примитивного мира, оказалась совершенно иной. Такой же, как и сам этот убогий мирок, – обычной женщиной, а не искус-

ственным клоном. Курносый маленький нос, глупые веснушки, веселые, чуть раскосые глаза, непослушные волосы, разбросанные по немного полным плечам. Посторонний ценитель, какой-нибудь евнух агнатской школы, которыми так славится Корпорация, подавился бы смехом, если б ему предложили сравнить достоинства Лисии и одной из его искусственных выпускниц. У Лисии не было ни огромных, специально увеличенных глаз, ни генетически удлинённых ресниц, ни алебастровой кожи. Вне всяких сомнений, идеальные пропорции и божественные лица его бывших наложниц дали бы ей сто очков вперед.

Но зато она была – настоящей!

Два года назад, после нескольких почти случайных встреч, пожалуй, впервые в своей заполненной сначала бесконечной карьерной гонкой, а затем оголтелым бездельем жизни, сверхпресыщенный богатствами и развратом демиург Корпорации Гор почувствовал, что его любят просто как человека, а не как владыку и господина. И что он – это было удивительно – привязался к кому-то сам.

Воистину это была магия! Для столь опытного в любовных утехах мужчины, каким Гор представлялся себе еще совсем недавно, столь всепоглощающая и жгучая страсть к совершенно обычной, по всем меркам, девушке казалась мистическим чудом.

И тем более страшной оказалась для него ее потеря...

На мгновение остановившись, узкоплечий подросток до боли в мозге, до хруста зубов сжал челюсти. Злоба и ненависть распирали его изнутри!

Десять месяцев назад он потерял единственную нить, связывающую его с Лисией. Мия Брегорт, женщина, которой Лисия доверила тайну своего бегства, умерла от автоматной пули у стен храма под Бронвеной или... или была схвачена церковниками. «И черт его знает, – подумал Гордиан сквозь захлестнувшую его волну боли, – что лучше для нее? Первое, пожалуй, даже предпочтительней».

«Мог ли я тогда поступить иначе? – спросил он себя. – Не стрелять?»

Наверное, мог. Однако в этом случае Мия наверняка досталась бы церкви, и кто знает, каким образом Амир с Юсуфом смогли бы использовать привязанность Гора к девушке, которая на сегодняшний день является малоинтересной для других игроков. Во время торга с викарием Гор испытывал сильный соблазн спросить у церковника, почему засада под Бронвеной была подготовлена именно на вилле Брегорта, а не в каком-то ином месте по ходу движения его отряда. Однако он сдержался: спросить – значит напомнить. У церкви наверняка полно лазутчиков в среде сервов как на освобожденных территориях, так и внутри Армии Свободы. А значит, узнать о его страсти к Лисии не так уж и сложно – любой из лавзейцев знает о том, с чего именно началось это кровавое восстание. Викарию нужно лишь правильно задавать вопросы, и он поймет.

Гордиан не сомневался, если бы Лисия находилась на территориях, подконтрольных Армии Свободы, она бы сама давно вышла на контакт с командованием сервов. Именно поэтому он не бросился на ее поиски в первый же день после взятия Бургоса. Но коль скоро этого не случилось, существовало только два варианта.

Первый – девушка находится на землях, подвластных королю и церкви, а потому недоступна.

Второй – она мертва. Сердце замирало при мысли о ее гибели, однако исключать такую возможность было нельзя. «В любом случае я должен отыскать Лиси живой, – сказал он себе, – а если она умерла, то убедиться в этом доподлинно и... отомстить убийцам!

Куда Мия Брегорт могла направить беглянку из Бронвены? – размышлял Гор. – К своим знакомым, к родственникам, к друзьям? Возможно, к деловым партнерам? Такое дело, как укрывательство беглых сервов, требует лично-доверительных отношений. Бизнесом, насколько Гор понял из расспросов лавзейских старожилов, Мия не занималась. Родственников у сервов-клонов не водится по определению. Старых знакомых она могла завести только

по месту основной работы, а именно – в обширных поместьях лорда Брегорта, разбросанных по всему Эшвенскому королевству, кочуя вместе со знаменитым литератором из одной провинции в другую.

Получается, что единственными людьми, к которым Мия могла направить Лисию за помощью в Бургосе, были либо вольноотпущенники лорда Брегорта, либо кто-то из старых сервов, проживающих в местном отеле старого писателя, с которыми Мия была знакома в прошлом.

Поскольку никто из вольноотпущенников бывшего хозяина в Бургосе не проживал (по крайней мере, в городском магистрате, ведущем учет подобных лиц, информации о таковых не имелось), Гор решил начать поиски с местного отеля своего бывшего господина.

Неделю назад, сразу после заключения достопамятной «сделки с викарием», Гор уже удосужился заглянуть туда, однако в тот день его ждали в седлах драгуны и мушкетеры для рейда на Катриш, и пришлось ограничиться лишь самыми общими вопросами, а также чисто поверхностно убедиться, что в отеле Лисии «вроде бы нет».

Сейчас время имелось – не было других дел, более важных, «военных», которые смогли бы отвлечь бывшего демиурга от поиска ответа на вопрос, столь неожиданно ставший главным в его столь долгой и столь бессмысленной жизни скучающего божества.

Скучающего? Гор невесело рассмеялся. Назвать свою жизнь сейчас бессмысленной и скучной, он бы уже не посмел. То, чего ему так не хватало в течение всей немыслимой череды годов и столетий, он теперь имел с избытком: пронзительная жажда существования разрывала сейчас каждую клеточку его весьма хилого тела. А древний разум неуязвимого полубога боялся признаться даже самому себе – он любил Лисию, банальную девушку из заштатного дикого мирка, любил так, как не любил никого никогда! Так, как только и может любить ничтожное смертное существо – неистово и безумно, до боли в висках, до конца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.